

СНАЙПЕРСКАЯ ВОЙНА

АЛЕКСЕЙ • АРДАШЕВ

Алексей Ардашев
Снайперская война

«Яуза»

2010

Ардашев А. Н.

Снайперская война / А. Н. Ардашев — «Яуза», 2010

Впервые в отечественной литературе! Глубокое исследование снайперской войны на протяжении двух столетий – с позапрошлого века до наших дней. Анализ развития снайперского дела в обеих мировых войнах и многочисленных локальных конфликтах, на поле боя и в тайных операциях спецслужб. Настоящая энциклопедия снайперского искусства – не ремесла, а именно искусства! – ведь точность выстрела зависит от десятков факторов: времени суток и температуры воздуха, скорости и направления ветра, расстояния до цели, как падет свет, куда перемещаются тени и т. д., и т. п. Исчерпывающая информация о вооружении и обучении стрелков, их тактике и боевом применении, снайперских дуэлях и контрснайперской борьбе, о прошлом, настоящем и будущем самого жестокого из воинских искусств.

© Ардашев А. Н., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Кто такой снайпер	8
Эффективность снайперского огня	11
Наша служба и опасна, и трудна...	12
Типы снайперов	17
Снайпер-диверсант	18
Пехотный снайпер	19
Полицейский снайпер	20
Предыстория снайпинга	21
Исторический экскурс в древнюю историю «Корпорации убийц»	21
Снайперы в исторической ретроспективе	21
Истоки снайпинга	22
Англо-бурская война	24
«Охотники Вельдта»: Война в Южной Африке	25
Бурские стрелки-добровольцы	25
США. Война за независимость и Гражданская война	27
Снайперы с Дикого Запада	27
Российская империя	30
«Браво, братцы егеря!»	30
«Волчья пасть, лисий хвост». Пластуны	33
Начало снайпинга	37
На заре XX века	38
Первая мировая война	40
Боевое крещение	42
Между великими войнами. Затишье перед бурей	48
Финская война	50
Развитие снайперского дела в СССР	52
Подготовка снайперов Красной Армии	54
Финский снайпер	59
Вторая мировая война	61
Снайперское движение в РККА	62
Сталинград: война снайперов	68
Стрелки НКВД	71
Итоги войны	73
Боевая практика и живой фронтовой опыт	75
СССР	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Алексей Ардашев

Снайперская война

Моим сыновьям Максиму, Денису и Ивану и внукам Даниилу и Георгию посвящается эта книга

От автора

Снайпинг – это искусство охотника в сочетании с хитростью браконьера и мастерством меткого стрелка, вооруженного самым лучшим оружием, которое может дать наука.
Невил Армстронг

Снайпинг – это жестокое боевое искусство. Все загадочное порождает легенды. Искусство боевого снайпера окружено целым ворохом мифов и легенд и часто граничит с мистикой. Эффект его работы ужасен, а способность возникать в самом неожиданном месте и бесследно исчезать после выстрела кажется сверхъестественной. Но легенды о возможностях снайперов основаны на реальных событиях. Подготовленный снайпер действительно может делать то, чего не могут другие. На войне снайпер – длинный нож в сердце противника, слишком длинный и слишком жестокий, чтобы с ним не считаться. В мирной обстановке – скальпель в руках хирурга. Игнорировать снайпера нельзя. От него не спасают расстояние и бронезилет. Против снайперской пули бессильна охрана. Снайпер способен в корне изменить обстановку на поле боя, поставить нужную точку в политическом процессе и с ювелирной точностью обезвредить террориста. Сама угроза возможности присутствия снайперов давит на психику врага и заставляет его пригибать голову.

Настоящий снайпер невидим, беспощаден и неуловим. Угнетающе действует сам факт его недостижимости и безнаказанности. Он появляется из пустоты, выполняет приказ и уходит в пустоту; исчезает в одном месте, чтобы появиться в другом. Его промысел сродни свободной охоте. Это звучит жестоко, но снайпер – это охотник. Охотник за человеком – самым опасным из живых существ. Охотник должен быть невидим. И поэтому стиль жизни снайпера – гармония с окружающей средой, способность чувствовать и сливаться с ней. Главное качество снайпера – нечеловеческое терпение, ведь удача сопутствует тем, кто умеет ждать. Снайперское искусство – это дерзкое умение терпеливых, искусство ждать подходящего момента и мгновенно использовать его. Снайпер хитер и безжалостен, умеет выжидать и обладает почти животной способностью ориентироваться на поле боя. Он выслеживает цель, как охотник на промысле, и организует течение событий так, чтобы заставить эту цель появиться и подставиться под выстрел. Снайпер не имеет права на промах. Промах – это ошибка. Ошибка – следствие неподготовленности. Снайпер, как и сапер, ошибается один раз. И поэтому все, что делает снайпер, он должен делать безупречно и в совершенстве.

Снайпинг – это не только умение метко стрелять и владеть снайперским оружием, это еще и особая тактика. Это умение выбирать позицию, умение маскироваться, умение выжидать, выбирать цель, менять позицию. Это целый ряд хитростей. Снайперский промысел, овеянный таинственной романтикой, представляет очень опасную, напряженную и физически тяжелую боевую работу. Снайперам предоставлено право «охоты» в свободном поиске. Этот поиск на войне снайпер ведет ежедневно, невзирая на условия, при любых обстоятельствах. И ежедневно снайпер обязан давать результат. Знать и уметь для этого нужно очень много.

Искусство терпеливых всегда в цене.

Кто же он, этот человек по имени «снайпер»? Какими качествами должен обладать? Снайпер дословно с английского обозначает «меткий стрелок». Стало быть, главное его дело – метко стрелять. Но в этом-то и есть главная проблема. «Стрелять надо метко, – вспоминает слова деда прославленный советский снайпер Василий Зайцев, – каждому зверю в глаз». При стрельбе снайпер должен учитывать многое: время суток, температуру воздуха, скорость и направление ветра, его перемещение, расстояние до цели, как падает свет, куда перемещаются тени... Только тогда его выстрел будет результативным.

Пролог

Стреляй редко, но метко.

А.В. Суворов

Во время Гражданской войны в Североамериканских Соединенных Штатах, более ста пятидесяти лет назад, выстрелы солдат полковника Бердана, произведенные из длинноствольных однозарядных винтовок с примитивными телескопическими прицелами, возвестили о возникновении «сверхметкой стрельбы» – снайпинга. Снайперское искусство прошло за эти годы несколько основных этапов в своем развитии. Сегодня во всех армиях мира снайпер является отдельной воинской специальностью. Специализированная система отбора и подготовки кадров, особое вооружение и экипировка требуют от государства немалого вложения средств. Однако при ведении боевых действий или специальных операций эти затраты очень быстро окупаются. Достаточно сравнить количество боеприпасов, израсходованных средним пехотинцем и снайпером.

Военные специалисты утверждают, что человека трудно убить на поле боя. Парадокс? Нет, реальность, основанная на опыте войн. Вот лишь один пример: если для поражения одного солдата противника обычно бойцом расходуется около 10 000 патронов (а в некоторых случаях и 25 000, и 500 000...), то снайперу достаточно одного выстрела (точнее, по статистике – 1,3–1,5 пули)... И ситуация не меняется, несмотря на бурно развивающееся в последние десятилетия высокоточное оружие.

Кто такой снайпер

Слово «снайпер» впервые появилось в английской армии во время Первой мировой войны и в переводе с английского означает «меткий стрелок по летящим уткам». Когда-то в Англии так называли удачливых охотников. Название происходит от английского названия птицы бекаса – «snipe». Она летает быстро и при этом мечется из стороны в сторону непредсказуемым образом, из-за чего ее трудно заметить и еще труднее подстрелить. Выстрел должен проводиться «навскидку». Попасть в бекаса на лету из кремневого ружья мог только опытный любитель охоты, искусный стрелок, владеющий оружием выше среднего уровня, да и то только в случае исключительно благоприятного стечения обстоятельств, и в XVIII веке термин «стрельба по бекасам» («snipe shooting») постепенно сократился до более короткого термина «снайпинг» («sniping»). Бекас во все века оставался заманчивой, но трудной в силу природной проворности добычей для охотников.

Уже к середине XVIII века в Британии широко использовали термины «снайперская (или, другими словами, бекасовская) стрельба» – так говорили про очень метких стрелков. Уже никто не скажет, когда впервые было произнесено слово «снайпер», но в конце XIX века так уже повсеместно величали метких стрелков из числа охотников. К концу XVIII века слово «снайпер» уже присутствовало в письмах английских офицеров, служивших в Индии. Некоторые из них взяли за обыкновение описывать свои вылазки на охоту фразой «ходил на бекасов».

Тем не менее среди военных солдаты, отличившиеся особой меткостью стрельбы, назывались «sharpshooters» или «marksmen» (меткими или отличными стрелками), но никак не снайперами, и слово это пришло, скорее всего, из газетных публикаций первых месяцев Первой мировой войны. С того времени это слово начало употребляться в узком значении, обозначая солдата, вооруженного винтовкой, чаще всего (но не обязательно) оснащенной оптическим прицелом, и ведущего огонь по военным целям с замаскированной позиции.

Сегодня снайпер – специально обученный стрелок, в совершенстве владеющий искусством меткой стрельбы, маскировки и наблюдения: поражает цель, как правило, с первого выстрела. Задача снайпера – уничтожение важных появляющихся на короткое время, движущихся, открытых и замаскированных одиночных целей (вражеских снайперов, офицеров и др.). Снайпер вооружается снайперской винтовкой с оптическим прицелом и специальными устройствами, облегчающими прицеливание.

Снайпер – это не просто стрелок со снайперской винтовкой. Это сверхметкий стрелок на дальние дистанции. Эталон снайперской точности – попадание противнику между глаз на расстоянии 800 метров. Снайперский промысел как таковой в начале и середине XIX века не культивировался из-за отсутствия точного дальнобойного оружия. Бывали единичные случаи в Крымской кампании и русско-турецкой войне, когда английские аристократы из дальнобойных нарезных штуцеров с диоптрическими прицелами, сделанных на заказ, охотились за русскими солдатами и офицерами.

Опыт англичан переняли голландские поселенцы республики Трансвааль в англо-бурской войне. На вооружении буров в это время уже появились оптические прицелы (правда, громоздкие и несовершенные). Это был прорыв в военной технике. Любое изменение в боевой тактике – следствие прогресса в развитии оружия. Оптические прицелы, установленные на немецкие винтовки Маузера, использование бездымного пороха резко повысили стрелковую результативность буров. Эффект массового применения такого оружия был неожиданным и впечатляющим. По существу, это и были первые снайперские винтовки.

Как в свое время писал Клиффорд Шор: «Снайперское искусство – это хладнокровное лишение жизни другого человека и своего рода наука, которой нужно учиться и которую необходимо совершенствовать. Часто я слышал мнение, будто бы снайпер должен ненавидеть про-

тивника, но я убедился, что те, кто сильно ненавидел, не становились хорошими снайперами. Я предпочитал людей холодных и уравновешенных. Охотников, которые не чувствуют ненависти к своей жертве, но считают наиважнейшим для себя подобраться к ней и уничтожить...».

Интересно, что в наше время иногда снайпером называют метких стрелков и в других родах войск (например, в артиллерии или авиации), которые поражают цель с первого снаряда (мины, бомбы, ракеты).

К сожалению, данный термин в настоящее время приобрел настолько негативное значение, что в некоторых западноевропейских словарях приводится как один из синонимов слова «убийца». В последние годы в Соединенных Штатах произошло несколько трагических случаев, когда психически неуравновешенные люди открывали из винтовок беспорядочную стрельбу со сравнительно близкого расстояния, и в американских СМИ при описании этих происшествий широко употреблялось слово «sniping». Столь неверное употребление этого термина совершенно несправедливо по отношению к военным снайперам, профессионалам, сражающимся за свою родину. Извращение смысла этого слова настолько возмутило военнослужащих одного из центров подготовки снайперов в Виргинии, что они пригласили представителей прессы на показательные выступления, где им было предложено попробовать обнаружить снайпера, замаскировавшегося на поле. Сделать этого им не удалось, что и неудивительно. Невидимый для журналистов стрелок по сигналу выстрелил по мишени, установленной на дистанции 220 ярдов, и попал прямо в лоб силуэта. До сведения изумленных представителей прессы было официально доведено, что «снейпинг» представляет собой именно то, что они только что увидели, после чего их попросили впредь употреблять в репортажах слово «rifleman» («стрелок»).

Настоящий снайпер должен владеть разносторонними навыками, требующими весьма напряженной подготовки. В среднем один из трех человек, желающих стать снайпером, отсеивается в ходе жесткого отбора. Для успешного прохождения курса обучения необходимо овладеть сложным набором связанных между собой навыков и умений, которые позволяют снайперу выживать в самых опасных боевых условиях, причем зачастую в одиночку: маскировка на местности, скрытное передвижение, наблюдение за противником, топография, связь, сбор разведывательных данных, меткая стрельба. Кроме того, кандидат в первую очередь должен быть в состоянии несколько дней провести, не двигаясь с места, несмотря на все неудобства и не теряя бдительности, он должен обладать высоким самообладанием, чувством ответственности и безграничной терпеливостью. Из всех этих требований основным является то, что все кандидаты в снайперы должны стать очень хорошими стрелками. Они должны научиться не только определять расстояние до цели с точностью до нескольких метров при дистанции стрельбы 800–900 метров, но и овладеть такими исключительно сложными навыками, как учет ветра, температуры и влажности, а также движения цели.

Одиночки-диверсанты существовали давно (например, ниндзя). Кроме того, уже при Петре I и позднее имелись подразделения отборных стрелков (егерей). Но снайперская стрельба появилась относительно недавно, в середине XIX века, так как до этого просто не существовало достаточно точного оружия.

Эта памятка составлена генералом В.И. Чуйковым, командующим 62-й армией, при обороне Сталинграда. В небольшой листовке предельно четко сформулирована суть снайперского промысла, за которым стоял тяжелый и опасный труд.

Листовка-памятка снайперу

Снайпер – это специально отобранный, обученный и подготовленный к самостоятельным инициативным действиям воин, меткий стрелок, умеющий искусно действовать в боевой обстановке. Задача снайпера – уничтожение важных и опасных целей, появляющихся на короткое время, решается терпением для выбора удобного момента, чтобы наверняка

поразить их. Искусство снайпера состоит в том, чтобы самостоятельно найти цель, оценить ее важность и поразить одним выстрелом.

Снайпер обязан не только уничтожать живую силу противника, но и меткой стрельбой парализовать организацию врагом текущей боевой работы. Для этого уничтожь его офицеров; устрой ежечасную охоту на его разведчиков, наблюдателей, связистов, артиллерийских корректировщиков; разбей их наблюдательные приборы; ослепи противника; отучи его ходить в полный рост; заставь его ползать; не давай ему высунуться; посеи панику среди нижних чинов. Конечная цель снайпера – страх. Появляйся там, где тебя не ждут. Запомни: противник должен бояться!

Снайпер – это охотник. Охотник обязан быть невидимым. Неуязвимость снайпера деморализует противника. Твой метод – скрытность. Твой рабочий инструмент – терпение. Учись переносить голод, холод, боль, неподвижность. Только это позволит тебе уничтожить противника везде, даже в глубине его обороны. Противник – зверь. Выследи его и вымани под выстрел. Враг коварен – будь хитрее его. Он вынослив – будь упорнее его. Твоя профессия – это искусство. Ты можешь то, чего не могут другие. Тебе доверяют. За тобой – Россия. Будь беспощаден. Ты победишь, потому что ты обязан победить!

Эффективность снайперского огня

Нужно отметить, что применение обычного стрелкового оружия пехотными подразделениями далеко не так эффективно, как может показаться. Во время Второй мировой войны расход боеприпасов воюющих армий составлял от 10 до 50 000 патронов на каждое попадание. Во Вьетнаме американские войска тратили до 500 000 патронов (!) на одного убитого партизана. Причины такого положения в следующем. В боевых условиях пехотинец очень редко может увидеть и распознать живую цель на дальности более 350–400 метров. Цели находятся в поле зрения очень непродолжительное время, контуры их неясны, кроме того, они движутся и ведут ответный огонь. Помимо этих факторов на ошибки в прицеливании существенно влияют страх, усталость и неразбериха боя.

По данным американских специалистов, вероятность попадания в цель из винтовки М1 у среднего пехотинца резко снижается по мере увеличения дальности, приближаясь к нулю на дистанции в 400 ярдов (во время высадки союзных войск в Нормандии в 1944 г.). Во время войны в Корее эта дистанция снизилась до 300 ярдов. Дальность эффективной стрельбы системы «стрелок – оружие» составляет от 5 до 165 метров. Максимум попаданий приходится на 73 метра, а на расстояниях свыше 165 метров количество попаданий совершенно мало, несмотря на возможности оружия. Иначе говоря, около 80 % выстрелов в бою рассчитано больше на психологическое подавление противника, и только 20 % выстрелов производятся по конкретным целям. На таком общем фоне боевая работа снайпера, тратящего 1,5–2 патрона на каждое поражение цели, говорит сама за себя. Помимо этого, высокая стоимость снайперского оружия и боеприпасов уже не кажется чрезмерной, так как окупает себя.

Наша служба и опасна, и трудна...

Снайперов, попадавших в плен, уничтожали на месте и без лишних церемоний. Солдаты ненавидели их. Им случалось бывать под пулеметным огнем и артиллерийским обстрелом, прятаться от осколков. Каждый ходил в штыковую атаку и вступал в рукопашную с солдатами противника, но никто не мог спокойно думать о том, что какой-то гнусный тип специально берет его на мушку и хочет пристрелить втихомолку.

Гарри Фэрнес, английский офицер

Особо следует отметить, что ко всем превратностям и опасностям тропы войны добавляется еще и то, что снайпер подвергается чрезвычайно высоким психическим нагрузкам, потому что постоянно работает на передовой, т. е. на границе территории, занятой противником, или на ней самой, осознавая, что где-то рядом всегда находятся солдаты противника, которые не знают слова «военнопленный», когда речь идет о снайперах. Можно не сомневаться, что пойманного снайпера ожидает почти неминуемая смерть. Известно, что в 1199 году король Ричард I во время Крестового похода был ранен в плечо прицельным выстрелом из арбалета, который произвел швейцарский наемник по имени Петер де Баль. Развилось заражение, от которого Ричард скончался. Предание сообщает, что «после его смерти со стрелка заживо содрали кожу, а труп затем повесили на стене» (что очень характерно для того времени. – А.А.).

Меткие стрелки-одиночки были всегда. Перечитайте «Молот ведьм», он же «Маллеус малефикарум», – настольную книгу святой инквизиции, практическое пособие по борьбе с ересью и колдовством, писанное в XV веке отцами Яковом Шпренгером и Генрихом Инститорисом. В ней есть интересный момент, имеющий прямое отношение к истории снайперов.

Практически все обвинения «Молота ведьм» в колдовстве направлены против женщин. Только один вид колдовства ученые отцы-инквизиторы приписывают мужчинам – колдовскую стрельбу. Колдовство описывают следующим образом: стрелок, спознавшийся с дьяволом и заручившийся его поддержкой, должен ежедневно делать три или четыре выстрела в святое распятие. В этот же день он сможет по желанию произвести столько же абсолютно точных и убойных выстрелов по живым людям, спастись от которых у жертв не будет никакой возможности. За исключением считаного числа колдовских выстрелов, такой стрелок поражает цели не лучше и не хуже других, на обычном человеческом уровне. Причем неважно, утверждают святые отцы, какое именно оружие использует стрелок-колдун – лук, арбалет или аркебузу. Далее они свидетельствуют, что данное колдовство весьма распространено в Германии, так как многие распятия, стоящие вдали от людных мест, например на перепутье дорог, часто изуродованы многочисленными следами от стрел и пуль. Утверждают, что в феодальных армиях того времени наемные стрелки-колдуны были нормой, требуют изгонять их и угрожают карами правителям, нанимающим таких стрелков.

В подтверждение своих слов Шпренгер и Инститорис рассказывают историю известного им стрелка-колдуна по имени Пункер из Рорбаха в Южной Германии. Пункер служил у некоего князя по прозвищу «Бородатый». При осаде замка Ланденбруннен Пункер постепенно перестрелял всех его защитников, кроме последнего, после чего, естественно, замок пал. Практиковал он свое колдовство именно вышеописанным способом, и еще – Пункеру надо было обязательно посмотреть в глаза будущей жертве... Святые отцы рассказывают дальше: однажды некий знатный человек пожелал, чтобы Пункер продемонстрировал ему свою меткость, и в качестве мишени положил на берет сына Пункера мелкую монетку. Стрелок неохотно согласился, достал две стрелы: одну вложил в арбалет, вторую сунул за пазуху. И сбил монетку выстрелом. После чего знатный спросил его: а зачем вторая стрела? На что Пункер ответил, что

не хотел подвергать столь опасному соблазну помогающего ему дьявола, который, как известно, великий обманщик и путаник, и если бы черт обманул его и сын был бы убит, то вторая стрела для тебя, знатный человек...

Вы никого не узнали в этой легенде? Правильно, народный герой Швейцарии, выдающийся стрелок Вильгельм Телль. Габсбургский наместник Геслер заставил его стрелять в яблоко на голове сына Телля за проявленное неуважение к шляпе герцога. Телль тоже отложил вторую стрелу, тоже поразил цель. А потом, как и полагается достойному снайперу, подстерег наместника в горах и из засады убил выстрелом из арбалета.

Интересно, практикующие стрелки не хотят попробовать описанную учеными святыми отцами методику повышения меткости? Не советуем. В конце концов заберет их душу дьявол, он всегда счет за услуги оплатить требует, в аду гореть будете. Надо помнить главное: помощь темных сил к победе не приводит. Да и не верится, что Телль, память о котором бережно хранят швейцарцы, был колдуном. Он был снайпером!

Один из снайперов заметил однажды, что если его поймают, то он «станет главным развлечением на весь следующий день». Есть много исторических свидетельств о том, что стрелков, пойманных во время войн Америки за независимость, казнили на месте, несмотря на то что это совершенно противоречило принятым тогда правилам ведения военных действий. Так, одно интересное предложение из статьи в «Нью-Йорк таймс» показывает отношение к метким стрелкам, бытовавшее во время американской Гражданской войны – первого конфликта, в котором начали использоваться снайперы. Автор статьи, рассказывая о стрелках полковника Бердана в армии Союза, отмечает, что главная опасность для снайпера в бою состояла в том, что он «рисковал быть отрезанным кавалерией, т. е. подвергнуться неминуемой казни, которая ожидала его после попадания в плен». Эта фраза дает представление о судьбе, ожидавшей попавшего в плен снайпера уже в то время, и наглядно демонстрирует неприязнь, которую испытывали обычные солдаты в отношении снайперов.

Действительно, попадая под огонь снайпера, пехота всегда делает все возможное для того, чтобы найти его и убить, вплоть до таких мер, как вызов артиллерии, танков или даже авиации. Австралийский пехотинец Джордж Митчелл во время службы на Галлиполи писал в дневнике: «7 мая. Турка мы ничуть не жалеем. Пойманный снайпер немедленно закалывается штыками». Когда Харри Фернесс подстрелил высокопоставленного немецкого офицера, он тут же оказался под таким продолжительным и яростным артобстрелом, что его несколько раз выбрасывало из окопа. Лишь по счастливой случайности он остался в живых, перестав тогда что-либо слышать и понимать. Всеобщая ненависть к снайперам нигде не проявлялась столь открыто, как на Восточном фронте в 1941–1945 годах, где снайперы, как правило, имели при себе пистолет – не для того, чтобы отстреливаться, а чтобы не попасть живым в руки врага. А дело в том, что по неписанным правилам войны брать в плен снайперов было не принято (как и огнеметчиков, и гарнизоны ДОТов) – они расстреливались на месте.

Характерно, что уже на фронтах Первой мировой войны сформировалось негативное отношение к снайперам как к «убийцам, стреляющим исподтишка». Одно из редких свидетельств о действиях пехотинцев после пленения снайпера во время Первой мировой войны содержится в краткой записи из дневника лейтенанта С.Ф. Шинглтона, офицера британской полевой артиллерии, датированной 16 июля 1916 года: «Королевские шотландцы поймали и повесили снайпера. Артобстрелы и очень много снайперов». Один британский снайпер был свидетелем подобного случая в 1944 году, во время наступления во Франции, после того как он выкурил немецкого снайпера из жилого дома: у того кончились патроны, он выбросил винтовку наружу через окно и вышел с черного хода с поднятыми руками. В это время мимо проходил британский офицер, чьи солдаты понесли страшные потери от меткой стрельбы этого снайпера. Он вытащил револьвер и застрелил немца. Иногда даже старшие офицеры ясно выражали довольно негативное отношение к снайперам. В 1944 году генерал Омар Бредли дал понять,

что будет не против, если со снайперами будут обращаться «пожестче», чем с обычными военнопленными. В конце концов, «сидит себе снайпер, постреливает и думает, что потом спокойно сдастся, – так не годится. Это нечестно».

Но еще больший интерес, наверное, представляет неприязнь многих фронтовиков к своим же снайперам. Дело в том, что одна из величайших несправедливостей снайперской профессии состоит в том, что соратники зачастую относятся к снайперу почти с такой же неприязнью, что и враги. Началось это в окопах войны 1914–1918 годов и объясняется просто: когда снайпер начинал действовать на каком-либо участке, на головы сидевших там солдат обрушивался сокрушительный удар возмездия. Это мог быть ураганный артиллерийский или минометный обстрел, с помощью которого разъяренные солдаты противника желали отомстить за смерть товарища, нередко нанося тяжелые потери сидящей в окопах пехоте, которая вполне обоснованно полагала, что никак этого не заслуживает. В то же время для неприязни, проявляемой солдатами к снайперам и их профессии, были и другие основания, более глубокие и зловещие. В гражданской жизни нас всех учат относиться к человеческой жизни как к чему-то священному, но на войне это фундаментальное представление о ценности человеческой жизни неприменимо. Большинству солдат удается мириться с отказом от мирных убеждений, когда им приходится убивать, защищая самих себя или товарищей, и это считается приемлемым с точки зрения морали. При этом для большинства пехотинцев отвратительна сама мысль о том, что кто-то может преднамеренно выслеживать людей, словно дичь на охоте. Одна из причин, раздражавших солдат-фронтовиков, несомненно, состояла в том, что снайпер отличался от них тем, что в буквальном смысле слова держал в руках человеческую жизнь, а сам был олицетворением смерти.

Один немецкий снайпер писал, что следовал одному-единственному правилу: наведя перекрестье прицела на цель, он стрелял независимо от того, кем был тот человек и чем он занимался. У обычного солдата война заключалась в исполнении приказов, поэтому для большинства бой был сравнительно обезличенным делом, которое надо было делать как можно быстрее и с наименьшим риском. Снайперов всегда окружала тайна, потому что им было запрещено рассказывать, чем и где они занимались, и это тоже способствовало укреплению их репутации хладнокровных убийц. Британский офицер Фредерик Слит, служивший снайпером во Франции во время Первой мировой войны, писал о том, что пехотинцы на переднем крае с трудом сходились со снайперами, «потому что было в них что-то такое, что делало их непохожими на обычных людей, из-за чего солдаты чувствовали себя неуютно».

Этому заявлению год за годом вторят рассказы пехотинцев, которые мало что понимали в снайперских делах и видели в них только беспринципных, никому не подконтрольных охотников, вряд ли понимая важность работы снайперов, защищавших своих солдат от снайперов с той стороны. Зачастую эта неприязнь принимала откровенные формы, когда солдаты демонстративно лишали снайперов компании на отдыхе, отказываясь с ними общаться. Тем не менее на переднем крае снайперы были единственно возможным средством борьбы со снайперами противника, и пехотинцы это знали, потому что всякий раз, когда их прижимал к земле невидимый враг, они кричали: «Снайпера!» Один британский снайпер вспоминал, как в 1944 году однажды утром он выдвигался поближе к линиям немецкой обороны, минуя окопы, в которых сидели солдаты британской роты. Пока он шел мимо, они настолько достали его своими насмешками, что он вытащил боевой нож и распорол раздутый живот давно валявшейся возле окопов коровы, из-за чего солдатам, которым было некуда деться из окопов, пришлось страдать от вони, накотившей от падали. Да и во Вьетнаме снайперов-морпехов зачастую приветствовали словами: «А вот идет корпорация убийц!» – и им приходилось стойчески воспринимать подобные выкрики.

Кроме того, снайперы чувствовали, что их действия весьма беспокоят гражданских, особенно в союзных странах, а действия их окружала завеса секретности, при этом об их подвиги

гах мало кто что-либо знал. Удалось найти всего три газетных статьи о снайперах, причем все они были опубликованы в провинциальных газетах, и лишь в одной были приведены фотографии и интервью со снайпером рядовым Фрэнсисом Миллером из 5-го батальона Восточного йоркширского полка. Немногие из снайперов, находящихся на службе, соглашались на подобную рекламу, вплоть до того, что отказывались фотографироваться для газет. Они избегали известности, им не хотелось, чтобы родные и знакомые знали, чем они занимаются, – из боязни осуждения с их стороны. Такое отношение вполне понятно, во многом оно объясняется традиционными идеалистическими представлениями о том, что война должна вестись «спортивно». Однако нельзя сказать, чтобы гражданские вдали от войны критично относились к работе, выполняемой снайперами, потому что те, кто не мог лично сражаться с врагом, положительно относились к мерам возмездия в любой их форме. Со слов вдовы одного британского снайпера, служившего с 1944 по 1945 год, она знала, чем он занимался на войне, и, хотя муж ее редко рассказывал о пережитом, он знал, что она его работу одобряет:

«Каждую ночь мы подвергались их [немецким] бомбардировкам, многие из моих знакомых погибли – матери, детишки, старики. Джек платил «джерри» [по-русски сказали бы «фрицам»] тем же, и нас это ободряло. Те, кто знал, что он служит снайпером, говорили: «Передай ему, пусть и за меня подстрелит кого-нибудь из этих гадов».

Снайпер рядовой-инженер 4-й роты 12-го танково-инженерного батальона СС Пельцманн в 1944 году в Нормандии уничтожил около тридцати британских солдат, пока, наконец, у него не кончились патроны. После этого он вылез с винтовкой из укрытия, разбил ее о дерево и крикнул английским солдатам: *«Я прикончил достаточно ваших солдат, и теперь у меня не осталось патронов – теперь можете пристрелить меня!»* Большой рыжий англичанин приблизился к нему, приставил револьвер к голове и выстрелил.

Британский солдат Перси Льюис, который в течение и после войны был профессиональным боксером, свидетельствует о жестокостях войны. Когда он служил в 6-м батальоне 181-го полевого полка, он был свидетелем казни немецкого снайпера, которого убил солдат, потерявший от пули снайпера брата за день до этого. Отношение союзников к снайперам на Западном фронте было жестким, что было следствием их фанатичного упорства в бою.

И все же, что интересно, однозначного отношения к снайперам не было, потому что среди своих они сами относились к своей работе с весьма жестоким чувством юмора и, надо сказать, мало что предпринимали для того, чтобы изменить отношение к себе, предпочитая оставаться в тени. Сержант Фернесс объяснял это тем, что большинство из них были людьми независимыми и зачастую необщительными, причем для этой работы наиболее подходят люди именно такого типа. «Все снайперы были добровольцами, метких стрелков никогда не зачисляли в снайперы в приказном порядке. В снайперском отделении никогда не было людей из тех, что являются «душой компании». Однажды он услышал от полкового старшины, что является самым необщительным сержантом на свете, что немало его позабавило, но это скорее говорило о складе характера самого старшины, чем о снайперах. Большинство из них были людьми тихими и осмотрительными, поскольку их профессии спешка противопоказана, и это находило отражение в их повседневных привычках. Мало кто из них курил, потому что курение плохо отражается на способности контролировать дыхание при стрельбе и вообще плохо действует на здоровье, да и пили снайперы в большинстве своем умеренно. Эта умеренность делала их непохожими на сослуживцев из обычной пехоты, которые предавались разгулу при любой возможности. Это усугублялось еще и тем, что по организационным причинам снайперы жили вместе и были освобождены от обычных фронтовых обязанностей, работали они по большей части тайно, и потому недоверие со стороны своих же пехотинцев было почти неизбежным следствием их работы, и снайперы относились к этому философски.

Иногда они даже не возражали против прозвищ, которыми наделяли их соратники. Снайперы из Холламширского батальона скорее гордились, когда один офицер, к которому они

хорошо относились, называл их «Старухами с косой». Снайпер сержант Джон Фулчер писал, что во время Второй мировой войны некоторые из них поднимали психологическое воздействие на противника на невиданную высоту. Будучи индейцем из племени сиу, он отмечал, что «половина ребят в снайперском отделении были индейцами, включая двоих сиу из горного района Блэк-Хилс. Мне доводилось слышать, как другие Джи-ай называли нас дикарями. И когда они говорили: «Опять за скальпами пошли», то говорили это с восхищением, и мы воспринимали эти слова именно так». Следует сказать, что Фулчер со своими индейцами и в самом деле время от времени скальпировал убитых немцев, оставляя их на видном месте как предупреждение другим. Какое-то время спустя они узнали, что немцы решили убивать на месте плененных снайперов или индейцев. И даже в конце 80-х годов снайперское отделение одного из британских пехотных батальонов было повсеместно известно как «Лепрозорий».

Захваченный снайпер повсеместно рассматривался как лицо вне закона. Но следует сказать, что подобное отношение к снайперам совершенно несправедливо. Можно подумать, что пулеметчик, косящий длинными очередями густые цепи противника, или минер, нашпиговавший землю смертельными сюрпризами, «убийцы» в меньшей степени, чем снайпер. Мы уж не говорим о пилотах стратегической авиации с термоядерными бомбами на борту...

Типы снайперов

На Западе принята следующая классификации профессии «снайпер».

Снайпер-диверсант

Это наиболее известный тип снайперов (англ. sniper), знакомый по компьютерным играм, кинематографу и литературе. Действует в одиночку или с напарником (осуществляющим огневое прикрытие и целеуказание), зачастую вдали от основной массы войск, в тылу или на территории противника. Задачи – скрытное выведение из строя важных целей (офицеров, дозорных, ценного оборудования), срыв атаки противника, снайперский террор (наведение паники на рядовой личный состав, затруднение наблюдения, моральное подавление).

Чтобы не выдать свою позицию, стрелок зачастую производит выстрел под прикрытием фонового шума (погодные явления, сторонние выстрелы, взрывы и т. п.). Дистанция поражения – от 500 метров и выше. В удачных условиях человека можно уничтожить с расстояния 1,5–2 км из крупнокалиберных 12,7-мм винтовок (однако стрельба по одиночным целям таких малых размеров с подобного расстояния практически не ведется из-за большого разброса даже у лучших образцов снайперского вооружения). Оружие снайпера-диверсанта – высокоточная винтовка с оптическим прицелом, иногда с глушителем, обычно с ручной перезарядкой.

Маскировка позиции играет большую роль, поэтому выполняется с особой тщательностью. В качестве маскировки могут применяться подручные материалы (ветки, кусты, земля, грязь, мусор и т. п.), специальный «лохматый» маскхалат (англ. ghillie suit) либо уже готовые укрытия (бункеры, окопы, здания и т. п.).

Пехотный снайпер

Пехотный снайпер (англ. designated marksman) впервые появился в СССР в 60-е годы. Под влиянием советской концепции в 1990-е годы специальность пехотного снайпера была введена в армиях Израиля и США.

Снайпер – неотъемлемая часть пехотного отделения, как и пулеметчик или гранатометчик, действует в составе подразделения. Иногда в паре с пулеметчиком или парой автоматчиков (группа прикрытия). Задачи – повышение радиуса боя пехоты, уничтожение важных целей (пулеметчиков, других снайперов, гранатометчиков, расчеты ПТУРСов, связистов). Как правило, не имеет времени для выбора цели; стреляет по всем, попавшим в поле зрения.

Дистанция боя редко превышает 400 метров. Оружие: самозарядная винтовка, основной акцент на небольшой вес и надежность. Иногда таких снайперов снабжают серийными автоматами, которые отбираются еще на оружейном заводе по критерию «точность попадания» и получают оптический прицел. Винтовки пехотных снайперов редко снабжены глушителями.

Чрезвычайно мобильный, часто меняет позицию. Как правило, имеет те же средства маскировки, что и остальные солдаты.

Полицейский снайпер

Специалист из противоснайперского подразделения полиции.

Радиус поражения полицейского снайпера редко превышает 200 метров – обусловлено это тем, что стрельба, как правило, ведется в городских условиях. Зато и цели у полицейского снайпера очень малы: чтобы поразить преступника, угрожающего пистолетом, необходимо попасть ему в сочленение головы и шеи – тогда он не сможет выстрелить даже рефлекторно. Альтернативная тактика – выстрел в палец либо кисть. Одно из первых заданий на огневой подготовке милицейского снайпера в СССР – поразить с расстояния 100 метров мишень «рука с пистолетом» (для сравнения: аналогичное задание при подготовке солдат – поразить ростовую мишень с расстояния 200 м).

Применяются при освобождении заложников, а также для охраны мероприятий, на которых существует риск осуществления теракта.

Предыстория снайпинга

Опыт служит не для отрицания, он является указателем пути на будущее.
Эйке Миддельдорф

Исторический экскурс в древнюю историю «Корпорации убийц»

Снайперы в исторической ретроспективе

Снайперы появились с момента возникновения дальнобойного оружия. С момента изобретения метательного оружия человечество затратило немало времени, сил и средств, чтобы получить возможность посылать камни, стрелы, дробь, пули и снаряды дальше, быстрее и точнее. Прицельная стрельба по отдельному человеку из лука или арбалета – практика не менее древняя, чем само это оружие, чем обнаруженный в замке Мейден-Касл скелет древнего бритта с позвоночником, пронзенным железным дротиком, выпущенным из римской баллисты. В данном случае невозможно сказать, целились именно в него или попали случайно. До чего же на самом деле доходила точность стрельбы из лука?

Сведения в литературе на сей счет противоречивы. Обычно можно узнать, что с 90 метров хороший лучник всеми стрелами попадал в ростовую мишень. Реже сообщается, что с такой дистанции он попадал одной стрелой в другую. Первое, безусловно, соответствует действительности, с учетом, что речь велась не о нормативах боевой стрельбы, а о спортивных состязаниях, на которых выступали лучшие мастера, цель была неподвижна, расстояние было всегда одно и то же, стрелы использовались специальные и сила попадания стрелы не учитывалась. И попадания стрелой в стрелу, несомненно, могли быть, но только случайно. Вообще же прицельная стрельба английскими лучниками (из деревянных луков) велась на 30 метров, турецкими и китайскими (из лучших луков) – до 70 метров, чаще же всего на 40–50 метров.

Проблема в том, что лук имеет определенную толщину и стрела располагается под углом к плоскости, в которой двигалась тетива. Дополнительный сбивающий наводку толчок стрела получает, когда через рукоять лука проходит ее оперение. Эти недостатки устранены в современных спортивных луках, но сказывались даже в лучших конструкциях Средневековья. Другими недостатками лука были крайняя (на современный взгляд) медлительность снаряда, очень затруднявшая стрельбу по движущейся цели (тяжелая стрела английского лучника дистанцию в 30 м преодолевала более секунды), и низкая аэродинамика кустарно сделанной стрелы. Кроме того, удержать тетиву мощного лука в натянутом состоянии двумя пальцами было просто невозможно. Поэтому при стрельбе на дальность или на пробитие лучник натягивал ее рывком, что точности попадания не способствовало. При стрельбе же на меткость лук натягивался не до конца.

Поэтому декларируемое преимущество лука над ружьем в точности стрельбы было весьма сомнительно (хотя англичане в XVI веке и использовали лучников именно в качестве снайперов при подразделениях мушкетеров). Оперенный снаряд летел намного точнее круглой пули, но пока он долетал, цель благополучно успевала окопаться по полному профилю. Точность попаданий из лука зависела от искусства стрелка, но весьма ограниченно: стрелок никогда не может контролировать все факторы, влияющие на полет его снаряда.

Большим достоинством арбалета являлась высокая точность стрельбы, сравнимая только с нарезным оружием XVII–XVIII веков. Это достигалось не только удобством прицеливания, но и тем, что тетива двигалась в одной плоскости со стрелой. Кроме того, арбалет мог иметь и прицельные приспособления.

Значительно повышала точность стрельбы и конструкция снаряда – самый лучший лучник стрелял точно, только пока пользовался своими стрелами, каждую из которых он знал в лицо и по имени. Но таких у него могло быть всего несколько, и, как только лучнику начинали подавать из обоза казенные стрелы, точность стрельбы падала в разы. Короткие арбалетные болты имели существенно менее выраженную «индивидуальность». Они не только были более стандартны, чем длинные стрелы, но и имели менее смещенный центр аэродинамического давления.

Но даже 300 лет спустя, когда на полях сражений появились ручницы и первые ручные мушкеты, их применение с целью поразить конкретного человека с большого расстояния было делом практически неслыханным. Несмотря на встречающиеся порой утверждения о том, что Леонардо да Винчи стрелял из нарезного оружия при отражении захватчиков, осаждавших Флоренцию в 1520 году, реальных подтверждений этому, судя по всему, не существует. Однако вполне уверенно можно утверждать, что в 1527 году другой великий художник, Бенvenuto Челлини, действовал как снайпер, служа в войске папы Климента VII. Сражаясь бок о бок с другими защитниками Священного города во время осады Рима, он стрелял из тяжелого мушкета с фитильным замком. Позднее в своих записях о пережитом он рассказывал:

«Я скажу только одно, чему изумится всякий, кто опытен в этом деле. Это то, что, при весе моего пороха в одну пятую веса пули, пуля эта у меня на двести шагов попадала в белую точку. Хотя я по природе меланхоличен, стоило мне предаться этим развлечениям, как у меня сразу же веселело сердце и лучше ладилась работа, и гораздо удачнее, чем когда я непрерывно сидел над своими занятиями и упражнениями».

Об одном из его выстрелов почти наверняка можно утверждать, что именно он стал причиной смерти коннетабля Бурбона, хотя сам Челлини оговаривает, что в тот день из-за густого тумана целиться было очень трудно и ему просто очень повезло. Разумеется, необходимо учитывать, что гладкоствольные мушкеты тех времен в массе своей плохо годились для прицельной стрельбы на большие дистанции. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что огнестрельное оружие могло применяться с этой целью уже в то время, поскольку в Европе соревнования по стрельбе были тогда обычным делом, а в Голландии и немецких княжествах к началу XVI века регулярно проводились состязания по стрельбе из гладкоствольных и нарезных мушкетов, участников которых называли «scharfschützen» (меткие стрелки).

Истоки снайпинга

Снайперское искусство необходимо рассматривать совместно с историей развития тактики огня пехоты. Точкой отсчета принято считать начало XVIII века, когда ружье окончательно сделалось оружием всей пехоты; ведь до этого ружейный огонь знаменовал лишь завязку боя, а окончательный разгром противника завершался ударом пикинеров. Гладкоствольные ружья того времени не имели достаточно высокой точности и кучности, однако довольно большая отлогость траектории на основных дистанциях огня позволяла при стрельбе целого подразделения поражать групповые цели. Именно этими боевыми свойствами гладкоствольного ружья объясняется введение в большинстве армий многолинейного строя.

«Желали получить сильный массовый огонь, не обращая внимания на собственные потери. Каждый из противников старался засыпать другого возможно большим количеством пуль в наименьший срок. Ввиду этого, стрелковое обучение пехоты ограничивалось горизонтальной наводкой и быстрым заряжанием... Во времена наполеоновских войн замечается как

будто пренебрежение массовым огнем пехоты», – писал известный оружейвед В.Е. Маркевич. Действенность огня гладкоствольного оружия была крайне невелика: пехотное ружье при стрельбе по мишени 180х120 см с расстояния в 100 шагов (91 м) давало всего 75 % попаданий, с 200 шагов (182 м) – 50 %, а с 300 шагов (273 м) – не более 25 %. Стрельба на дистанции более 300 шагов считалась бесполезной!

Ко второй половине XIX века вся пехота европейских армий уже была вооружена винтовками, и теперь здесь стали обращать внимание на улучшение стрельбы одиночного стрелка, желая добиться тех высоких результатов, что показывали егерские и стрелковые части. Следует учесть, что хорошая стрельба во многом зависела от высоких личных качеств этих специально натренированных людей. Многие зависело и от тактической обстановки, складывающейся на поле боя. Когда стрелки и егеря попадали в свою стихию (передовые стычки, перестрелки и т. д.), они, можно сказать, творили чудеса. Этого же хотели добиться и от простого пехотинца!

Ф. Энгельс в одной из работ, посвященных развитию пехотной тактики, отмечал, что с 40-х годов XIX века «создается легкая пехота, но уже не из лиц, занимающихся стрелковым спортом, и лесничих, а из наиболее сильных и ловких солдат; точность и дальность огня были соединены с ловкостью и выносливостью». В конечном итоге вооружение всех солдат нарезным оружием сгладило существовавшие различия между легкой и линейной пехотой и привело к появлению единой пехоты, способной выполнять любые боевые задачи.

Англо-бурская война

Как уже отмечалось выше, «снайпер» означает «меткий стрелок по летящим уткам». Когда-то в Англии так называли удачливых охотников. Потом так стали называть бурских стрелков. И этому были причины.

Бурские стрелки со своими дальнобойными винтовками. Южная Африка, 1900 г.

Ярким примером эффективного использования отличных стрелков для выполнения особых боевых задач стала англо-бурская кампания 1899–1902 годов. Бурские охотники, избегая вступать в открытый бой с англичанами, маскируясь, устраивая засады, подпускали солдат противника на близкое расстояние и выводили их из строя метким огнем. Эта неравная борьба за свою независимость горстки стрелков против численно превосходящих и хорошо снаряженных английских войск продолжалась более трех лет. Англичане от огня бурских снайперов несли очень большие потери. Даже когда в английской армии сменили цветное обмундирование на форму цвета хаки, не выделяющуюся на фоне песчаных холмов Трансвааля, меткий огонь буров продолжал наносить англичанам огромные потери.

Буры (так называли голландских поселенцев) со своими дальнобойными винтовками доставали англичан в любое время суток и, казалось бы, в самых безопасных местах. Известное окопное правило «трое от одной спички не прикуривают» родилось, независимо от предшествующего русского опыта, на английских позициях в республике Трансвааль. В ночное время, когда офицеры Ее Величества собирались кучкой и закуривали, бурский снайпер засекал вспышку загоревшейся спички и огонек сигары первого курильщика, затем прикуривал второй – снайпер прицеливался. Прикуривал третий и сразу же получал пулю.

При наступлении англичан меткие бурские стрелки расстреливали атакующих солдат как на стрельбище, практически не подпуская их к своим позициям. Бурами широко практиковались и замаскированные снайперские засады. Но диверсионный опыт буров не был обобщен,

и в Первой мировой войне снайперы системно не применялись. Основной расчет был на плотность огня.

«Охотники Вельдта»: Война в Южной Африке

Британская армия, через три десятилетия после войны в США, потерпела ряд поражений в Южной Африке из-за меткой стрельбы буров, вооруженных новыми по тем временам магазинными винтовками Маузера. В ходе англо-бурской войны (1899–1902) многочисленной и очень дисциплинированной английской армии долго не удавалось сломить сопротивление слабого, плохо организованного, но зато отлично стрелявшего противника – бурских полупартизанских отрядов.

Англо-бурская война оказала значительное влияние на развитие тактики винтовочного огня. Буры все свои боевые действия основывали на огневом бое, не прибегая к рукопашным схваткам. Замечательное владение винтовкой, умелое использование местности и быстрое маневрирование (войска буров, в сущности, представляли собой ездящую пехоту) обеспечили им значительное превосходство над противником. В частности, в бою у Гленко-Дунди на каждые одиннадцать английских солдат, выбывших из строя по причине огнестрельного ранения, приходился один офицер. В бою у реки Модер 28 ноября 1899 года 5-тысячный отряд буров, заняв выгодную замаскированную позицию, в течение суток удерживал вдвое превосходящего противника. Первыми подверглись жесточайшему огневому нападению гвардейские батальоны, подошедшие к реке на дистанцию 700 метров. Винтовочный огонь буров заставил британцев залечь. Затем в течение дня та же участь постигла все попытки английской пехоты подняться в атаку. Усилия британской артиллерии и подошедшего на помощь блиндированного поезда поддержать огнем атаки своей пехоты оказались тщетными. Одна батарея, выдвинувшаяся к реке на расстояние 1,5 км, попала под сильнейший ружейный огонь и в течение нескольких минут потеряла больше половины своих лошадей. Ночью буры покинули свои позиции и тихо отошли, так что начавшаяся утром атака англичан попала в пустоту. Всего за день боя англичане потеряли 485 человек, а буры – только 18.

Англо-бурская война показала возросшую силу стрелкового огня. Винтовочный огонь отныне стал господствовать на поле боя. Кроме того, огромное значение приобрели полевая фортификация, самоокапывание и маскировка пехоты.

Бурские стрелки-добровольцы

Один из участников той войны, доброволец, воевавший на стороне буров, еще в 1900 году прозорливо писал: «В будущем могли бы оказаться полезны для военных целей телескопические прицелы. Современные ружья стреляют на такое далекое расстояние, что даже самое острое зрение становится бессильным. Если ружье будет снабжено телескопическим прицелом, оно станет несравненно более опасным и может служить для выведения из строя офицеров и артиллерийской прислуги. Нечего говорить, что такие усовершенствованные ружья должны даваться исключительно выдающимся стрелкам...»

Снайпер с капсюльной винтовкой, оснащенной телескопическим прицелом

Историк оружия В.Е. Маркевич также отводил войне в Южной Африке важную роль в развитии тактики ружейного огня вообще и снайперской стрельбы в частности: «В период бездымного пороха, во время англо-бурской войны (1898–1902) оказалось, что искусные стрелки-охотники буры, защищая свою независимость, наносили английской армии существенный урон преимущественно винтовочным огнем. Совсем не имея штыков, а под конец не имея и артиллерии, они затянули войну на 2,5 года, и только крайнее истощение заставило буров капитулировать перед громадной английской армией.

Изучая опыт войны, тогда все обратили внимание на большое значение меткой стрельбы из современной винтовки».

США. Война за независимость и Гражданская война

Во время войны за независимость в Североамериканских Соединенных Штатах (1775–1783) английские войска столкнулись с точным огнем нарезных ружей переселенцев. В частности, 19 апреля 1775 года в сражении при Лексингтоне английский отряд в две тысячи человек с трудом смог отразить нападение всего нескольких сотен колонистов, использовавших тактику рассыпного строя. Быстро перемещаясь с места на место, умело используя местность и маскируясь, колонисты вели точный ружейный огонь. При попытках англичан контратаковать повстанцы рассеивались и скрывались в лесу, а затем снова начинали свои множественные нападения.

К концу войны британские войска были вынуждены сформировать егерский полк, вооружив своих стрелков специально закупленными штуцерами – казнозарядными нарезными ружьями Фергюсона. И хотя эта воинская часть уже не могла повлиять на исход войны, уже тогда в британской армии были заложены традиции высокого стрелкового мастерства, дожившие до наших дней. Этот 60-й пехотный полк не успел отличиться в Северной Америке, но позднее принял активное участие во время войны в Испании против французских войск Наполеона.

Снайперы с Дикого Запада

Новый тип оружия был с успехом использован во время Гражданской войны в США в 1861–1864 годах. Полковнику Хайрему Бердану, позднее ставшему изобретателем знаменитой винтовки («берданки»), которая более двадцати лет простояла на вооружении русской армии, первому пришлось в голову создать особое подразделение из лучших стрелков для действий в ближайшем тылу противника. При приеме кандидатов применялся жесткий стрелковый тест: с дистанции в 200 ярдов (182,8 м) требовалось уложить десять пуль в круг диаметром 25 сантиметров. Чтобы показать пример, сам Бердан (в прошлом один из лучших стрелков-винтовочников США) с первого выстрела положил пулю в правый глаз ростовой мишени на дистанции 600 ярдов (548,6 м) из целевой винтовки с телескопическим прицелом. В мае 1861 года газета «Нью-Йорк пост» писала: «Снайпер, действующий в составе небольшой группы на расстоянии до 700 ярдов от противника, производящий один выстрел в минуту и попадающий с большой точностью в выбранные им цели, может доставить врагу множество проблем. Такие стрелки должны сосредоточиться на уничтожении офицеров, чтобы внести как можно больше неразберихи в ряды противника».

Полковник Бердан. Североамериканские Соединенные Штаты. 1880 г.

Противник тоже не дремал. Для войск южан было закуплено 200 капсюльных винтовок системы Витворта английского производства. Они имели полигональную нарезку ствола, на них устанавливался телескопический прицел. На открытых стрелковых соревнованиях лучшие стрелки армии Джонстона получили эти винтовки и затем воевали с ними в качестве снайперов. Однако конфедераты ввели своих снайперов в состав обычных пехотных бригад – это приводило к тому, что элитные стрелки большую часть времени воевали в качестве простой пехоты. В то время как северяне подчинили снайперские подразделения штабу корпуса, который использовал их только в тех случаях, когда возникала необходимость.

Одна из легенд Дикого Запада гласит, что 7 марта 1862 года в битве при Пи-Ридж, штат Арканзас, знаменитый ганфайтер (gunfighter (англ.) – профессиональный стрелок, виртуозно владеющий оружием) Бешеный Билл Хикок в течение четырех часов уничтожил снайперским огнем из засады 36 солдат Конфедерации. Генерал Маккалок приказал уничтожить снайпера, однако Хикок удачным выстрелом снял самого генерала и, воспользовавшись суматохой, скрылся.

1 июля 1863 года снайпер федеральных войск в сражении под Геттисбергом убил старшего по званию офицера южан генерала Джона Рейнолдса. Результатом этого выстрела стало оставление конфедератами своих позиций и выход из города. А в сражении под Спотсильванией 9 мая 1864 года генерал федеральных войск Седжвик, желая ободрить своих солдат, прячущихся от огня неприятеля, выехал на первую линию и тут же получил пулю в голову: выстрел был произведен с расстояния около 800 ярдов.

Гражданская война в Америке показала и значение одного меткого стрелка, и психологический эффект убийства единственным выстрелом. Американские военные историки уже в 1880-х годах утверждали, что снайперы Бердана уничтожили больше солдат противника, чем какое-либо другое подразделение армии северян.

Российская империя

Можно предположить, что идея использовать для уничтожения врага специально обученных меткой стрельбе людей впервые появилась тогда, когда началась первая война. Не будем рассказывать о племенах охотников, которые, враждуя друг с другом, поняли, что один меткий боец, действующий скрытно, способен успешно противостоять вражескому отряду и уничтожить его, или приводить в пример Робин Гуда, который использовал в борьбе с богатыми и знатными особо метких и скрытно действующих бойцов. Расскажем лучше о том, что известно достоверно.

Достоверно известно, что при Петре I в русской армии отличные стрелки и унтер-офицеры были вооружены нарезными штуцерами с лучшей кучностью боя и большей дальностью стрельбы, чем гладкоствольное ружье, состоявшее на вооружении рядовых солдат. Суворов специально использовал метких стрелков в бою. При штурме крепости Измаил в 1790 году по его приказанию отдельным группам отборных стрелков было поручено уничтожать защитников вала, мешающих русским солдатам взбираться по лестницам на стены крепости. Ученик и последователь Суворова полководец Кутузов также придавал большое значение подготовке отличных стрелков-охотников.

Кутузову принадлежит особая роль в разработке принципов тактического использования отборных стрелков. Одним из наиболее ярких примеров умелого использования отборных стрелков является бой у села Бородино в 1812 году. В этом бою егеря и отборные стрелки-охотники Кутузова метким огнем сдерживали более часа натиск семитысячной французской армии. Позднее в «Правилах рассыпного строя», изданных штабом 1-й армии в 1818 году, говорилось: «Сила пехоты преимущественно в ее огне, однако же не во множестве, но в цельности выстрелов». Указывая на преимущества рассыпного строя, автор «Правил» рекомендовал иметь отборных людей, «...доведенных преимущественно перед прочими до высшей степени совершенства искусства стрельбы в цель». Но здесь нет главного признака действий современного снайпера – сосредоточенности на поставленной цели и скрытности действий.

Понимание преимуществ использования снайперов приходило во многом вынужденно. При ведении боевых действий слабая сторона, не имея возможности противостоять противнику в открытом бою, была вынуждена использовать тактику быстрых ударов, оставаясь незаметной для врага.

В русско-турецкой войне одиночки-англичане из дальнобойных штуцеров со сделанными под заказ прицелами убивали русских солдат и офицеров. Именно со времен Крымской войны в российской армии возникла дурная примета относительно прикуривания трех человек от одной спички (когда прикуривал первый, снайпер реагировал на вспышку, когда второй – прицеливался, а третий курильщик получал пулю в голову).

«Браво, братцы егеря!»

Традиционно принято считать, что у истоков снайпинга стояли егерские подразделения, появившиеся в большинстве европейских армий в XVIII столетии. Действительно, егеря, в отличие от простых пехотинцев, обучались по особым программам, готовились к боевым действиям в рассыпном строю, учились воевать в одиночку. В ходе учений особое внимание уделялось точной стрельбе каждого стрелка в отдельности – в отличие от обычной пехотной тактики, где предусматривался залповый огонь всего подразделения.

Еще в 1764 году русский военачальник П.И. Панин, командовавший в то время Финляндской дивизией, разработал для частей своей дивизии, дислоцировавшихся в местах со сложной топографической обстановкой, инструкцию, в которой учитывались местные условия. Обста-

новка требовала «легкой и способнейшей пехоты для употребления ее с авантажами по военному искусству, на тамошней земле, состоящей из великих каменных гор, узких проходов и больших лесов...». Такие части, сформированные и обученные по методике Панина, получили название «егерские». После того как сформировали первый опытный егерский батальон, было принято решение о создании специального егерского корпуса численностью 1650 человек. По указанию Панина в егеря отбирались только люди малорослые – не более 2 аршин и 5 вершков (около 167 см), способные к самостоятельным действиям в рассыпном строю и хорошего здоровья.

Егеря, вооруженные нарезными ружьями. Россия, XIX в.

В 1760-х годах русский военачальник П.А. Румянцев добился создания в каждом полку егерских команд, вооруженных нарезными ружьями. Снаряжение этих солдат было максимально облегчено: вместо тяжелых пехотных тесаков и шпаг они имели ножи, с обмундирования для лучшей маскировки были убраны блестящие бляхи и галуны. Егерские команды предназначались для поражения противника точным ружейным огнем из засад. В 1770 году приказом Румянцева все егерские команды пехотных полков 1-й армии, в состав которой вхо-

дил корпус А.В. Суворова, сводились в егерские батальоны. К концу 1777 года в русской армии их было уже 8 – по 990 солдат в каждом.

Первые «винтовальные фузеи» стали поступать на вооружение армии уже в эпоху Петра I, однако это были немногочисленные экземпляры несерийного изготовления. Только в 1775 году был принят штатный «винтовальный карабин». Это оружие калибра 15,8 мм имело ствол длиной 788 мм, вес его составлял 2,5 кг. Позднее, в 1778 и 1789 годах, на вооружение егерских частей приняли штуцера калибров 16,2 и 15 мм соответственно. Вообще на протяжении всего XVIII века наблюдается острый недостаток нарезного оружия. Например, на Тульском оружейном заводе в период с 1737 по 1778 год изготовили всего 415 штуцеров. По штатам 1785 года в армии должно было находиться 7500 нарезных ружей, фактически же в войсках их было только 2549 единиц.

Кроме того, следует учитывать, что даже в егерских частях нарезное оружие по штату полагалось только унтер-офицерам и наиболее метким стрелкам – на егерскую роту штуцеров «образца 1805 года с кортиком» приходилось всего 12 единиц. На обычный же пехотный полк (линейная пехота) в начале XIX века полагалось 16 штуцеров; в 1809 году их число было увеличено в два раза, но и это количество, конечно, не могло сыграть серьезной роли в бою.

Тем не менее передовые военачальники того времени отлично видели потенциальные возможности хорошо обученных стрелков. Активными сторонниками развития егерской тактики были Суворов, Кутузов, Потемкин. В русско-турецкую войну 1768–1774 годов русские егеря с большим успехом действовали в сражениях под Ларгой и Кагулом, где была наголову разбита турецкая армия, количественно превосходившая русскую в десять раз.

В 1790 году при штурме крепости Измаил Суворов применил егерей следующим образом: 526 отборных стрелков своим огнем надежно прикрыли штурмовые колонны русских войск, уничтожая турецких солдат, мешающих русским отрядам проходить через крепостной ров. Несмотря на широко известную суворовскую фразу «Пуля – дура, штык – молодец», сам Суворов вовсе не умалял значения огнестрельного оружия в бою. В приказе от 25 июня 1770 года он писал о «неискусной» стрельбе: «Сие могло быть в нашем прежнем нерегулярстве, когда мы по-татарскому сражались, куча против кучи, и задние, не имея места целить дулы, вверх пускали беглый огонь. Рассудить можно, что какой бы неприятель то ни был, усмотря хотя бы самый по виду жесткий, но мало действительный огонь, не чувствуя себе вреда, тем паче ободряется и из робкого становится смелым».

Князь Потемкин уделял много внимания обучению егерских частей. Он полагал, что егерь обязан содержать свое ружье «в чистоте нужной, не простирая сие до полирования железа, вредного оружию и умножающего труды, бесполезные солдату», а также «заряжать проворно, но исправно, целить верно и стрелять правильно и скоро», обучаться «подпалзывать скрытно местами, скрываться в ямах и впадинах, прятаться за камни, кусты, возвышения и, укрывшись, стрелять и, ложась на спину, заряжать ружье». Кроме того, егерь должен был усвоить «хитрости егерские для обмана и скрытия их места, как-то: ставить каску в стороне от себя, дабы давать неприятелю через то пустую цель и тем спасать себя, прикидываться убитым и приближающегося неприятеля убивать». К 1785 году Потемкин имел в армии 7 егерских корпусов. Для их обучения выпущена была новая общая инструкция, которая обобщала лучший боевой опыт, накопленный за предыдущие годы.

В изданной в 1819 году главным штабом 1-й армии книге «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты» обобщался боевой опыт Отечественной войны 1812 года. В нем были сформулированы основные правила ведения боя егерями в одиночку или небольшими группами, определен круг задач, решаемых егерями, и даны рекомендации по маскировке, экипировке и обучению егерских частей. В частности, там говорилось о необходимости обучить солдат правильно судить об удаленности предметов. Для этого при обучении стрелка нужно «показывать ему какое-либо дерево, дом, ограду или другой видный

предмет, спрашивая, в каком он полагает его расстоянии; потом приказывать считать шаги до этого предмета и таким образом узнавать свою ошибку...». Егерь приобретал «твердый навык хорошо зарядить, верно прицелиться и метко стрелять во всяком положении: стоя на коленях, сидя и лежа, а равно и на походе».

О маскировке там же говорилось: «Неровности поверхности земной и множество возвышенных на земле предметов почти везде представляют защиту раздробленным частям или одиночным людям». В связи с этим указывалось на необходимость обращать внимание каждого егеря «на выгоды, представляемые местоположением, и способы оным воспользоваться: как он, например, имея впереди бугорок, может лечь позади оногo на земле или стать на колени и как ему в таком положении может быть удобнее зарядить ружье, верно прицелиться и выстрелить; каким образом при наступлении в лесу должен он подкрадываться от дерева до дерева к неприятелю, беспрестанно вредить оному и выигрывать место, или же при отступлении через лес останавливаться позади каждого дерева и, прикрывая себя, защищать место и товарища своего; как он должен залечь во рву, за оградой или плетнем и как во всяком подобном местоположении может действовать с пользою оружием своим».

«Волчья пасть, лисий хвост». Пластуны

Помимо егерских полков, в Российской империи процесс развития и совершенствования стрелкового искусства имел еще одно весьма оригинальное и самобытное направление – казачество. Пешие казаки пластунских полков были в русской армии и разведчиками, и «стрелками на выбор» – по офицерам, орудийной прислуге, вестовым. По войсковому положению 1842 года пластуны даже были признаны отдельным родом в рядах военных сил Черноморского войска. Пластуны обычно действовали мелкими партиями от трех до десяти человек. Искусное использование местности и точный ружейный огонь заменяли казакам численную силу. С раннего детства приученные к трудной и опасной службе, пластуны служили для русской армии прекрасными разведчиками и снайперами, а в мирное время несли пограничную службу.

Казак-пластун Черноморского войска. Россия

«Природа – мой букварь, а сердце – мой учитель». Исследователь казачества Д. Кошкарёв писал в начале XX века: «Еще запорожцы в днепровских камышах залегали пла-

стом, высматривая подолгу то татарский чамбул, то неприятельский разъезд. В числе 40 куреней значился Пластунский курень, товарищество которого исполняло, вероятно, эту трудную и опасную службу. На Кубани пластуны явились главнейшими стражами кордонной линии. Они были разбросаны по всем постам особыми партиями и всегда держались на самых передовых притонах, батареях, где имелись сигнальные пушки. Когда неприятель наступал слишком быстро и в больших силах, пластуны палили «на гасло», на тревогу. Их положение в отношении к кордонной линии почти то же, что положение застрельщиков в отношении к первой боевой линии. В наблюдении за неприятелем они зорче и дальновиднее сторожевых вышек, хоть и не так высоко, как эти последние, поднимают голову.

... Что касается тактики пластуна – она сложная. Волчья пасть и лисий хвост – ее основные правила. В ней вседневную роль играют след – «сакма» и засада – «залога». Тот не годится «пластуновать», кто не умеет убрать за собой собственный след, задуть шум своих шагов в трескучем тростнике; кто не умеет поймать следы противника и в следах его прочитать направленный на линию удар. Где спорят обоюдная хитрость и отвага, где ни с той, ни с другой стороны не говорят: «Иду на вас!» – там нередко один раньше или позже схваченный след решает успех и неудачу. Перебравшись через Кубань, пластун исчезает. А когда по росистой траве или свежему снегу след неотвязно тянется за ним, он заплутывает его: прыгает на одной ноге и, повернувшись спиной к цели своего поиска, идет пятками наперед, «задкует» – хитрит, как старый заяц, и множеством известных ему способов отводит улику от своих переходов и притонов. Как оборотни сказок, что чудно-дивно меняют рост: в лесу вровень с лесом, в траве вровень с травой – пластуны мелкими партиями пробираются с линии между жилищами неприязненных горцев к нашим полевым закубанским укреплениям и оттуда на линию.

... Во всех обстоятельствах боевой службы пластун верен своему назначению. На походе он освещает путь авангарду; или в цепи застрельщиков изловчается и примащивается, как бы вернее «присветить» в хвастливо гарцующего наездника; или, наконец, бодрствует в отводном секретном карауле за сон ротного ночлега. В закубанском полевом укреплении он вечно на поисках по окрестным лесам и ущельям».

В 1843 году на вооружение стрелковых батальонов и пластунов-застрельщиков Черноморского казачьего войска поступил так называемый «литтихский штуцер». К 1849 году в русской армии находилось 20 756 таких ружей. Впрочем, если учесть, что численность армии тогда составляла около миллиона человек, то это все равно была капля в море.

Пластуны. Россия, 1842 г.

Только в середине XIX века русская армия получила штатную 6-линейную пехотную винтовку образца 1856 года. Она, правда, как и раньше, предназначалась для оснащения только отборных стрелков, но все равно это был большой шаг вперед. Прицельная дальность винтовки – до 1200 шагов. Кстати, именно в 1856 году введено официальное название нарезного ружья – «винтовка».

«Удальцы – добры молодцы». Интересные воспоминания о действиях пластунов во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов оставил король московских репортеров Владимир Гиляровский. Во время той войны он добровольцем пошел служить в действующую армию и благодаря беспокойному и авантюрному характеру оказался среди охотников-пластунов.

«У Карганова в роте я пробыл около недели, тоска страшная, сражений давно не было. Только впереди отряда бывали частые схватки охотников-пластунов. Гулял я по лагерю с юнкером Костей Поповым и старым своим другом подпоручиком Николиным, и они мне рассказывали о позиции:

– Вот это Хуцубани... Там турки пока сидят, господствующая высота, мы раз в июне ее заняли, да нас оттуда опять выгнали. Рядом с ней, левее, лесная гора в виде сахарной головы, называется «Охотничий курган», его нашли охотники-пластуны, человек двадцать ночью отбили у турок без выстрела, всех перерезали и заняли... Мы не успели послать им подкрепления, а через три дня пришли наши на смену, и там оказалось 18 трупов наших пластунов, над ними турки жестоко надругались. Турок мы опять выгнали, теперь там опять стоят наши охотники, и с той поры курган называется «Охотничьим»... Опасное место на отлете от нас, к туркам очень близко... Да ничего, там такой народец подобрали, который ничего не боится.

Рассказал мне Николин, как в самом начале выбирали пластунов-охотников: выстроили весь отряд и вызвали желающих умирать, таких, кому жизнь недорога, готовых идти на верную смерть, да еще предупредили, что ни один охотник-пластун родины своей не увидит. Много их

перебили за войну, а все-таки охотники находились. Зато житье у них привольное, одеты кто в чем, ни перед каким начальством шапки зря не ломают, и крестов им за отличие больше дают.

...Лешко подал на другой день рапорт командиру полка, и в тот же день я распростился со своими друзьями и очутился на «Охотничьем кургане».

В полку были винтовки старого образца, системы Карле, с бумажными патронами, которые при переправе через реку намокали и в ствол не лезли, а у нас легкие берданки с медными патронами, 18 штук которых я вставил в мою черкеску вместо серебряных газырей. Вместо сапог я обулся в поршни из буйволового кожи, которые пришлось надевать мокрыми, чтобы по ноге сели, а на пояс повесил «кошки» – железные пластинки с острыми шипами и ремнями, которые прикручивались к ноге, к подошвам, шипами наружу. Поршни нам были необходимы, чтобы подкрадываться к туркам неслышно, а «кошки» – по горам лазить, чтобы нога не скользила, особенно в дождь.

Я сошелся со всеми товарищами, для которых жизнь – копейка... Лучшей компании я для себя и подыскать бы не мог. Оборванцы и удалыцы, беззаветные, но не та подлая рвань, пьяная и предательская, что в воровских шайках, а действительно «удалыцы – добры молодцы». Через неделю и я стал оборванцем, благодаря колючкам, этому отвратительному кустарнику с острыми шипами, которым все леса кругом переплетены, одно спасение от него – кинжал. Захватит в одном месте за сукно – стоп. Повернулся в другую – третьим зацепило, и ни шагу. Только кинжал и спасал – секи ветки и иди смело. От колючки, от ночного лежания в секретах, от ползанья около неприятеля во всякую погоду моя новенькая черкеска стала рванью...

Весело жили. Каждую ночь в секретах да на разведках под самыми неприятельскими цепями лежим по кустам да папоротникам, а то за цепь переберемся, часового особым приемом бесшумно снимем и живенько в отряд доставим для допроса... Чтобы часовых брать, приходилось речку горную Кинтриши вброд по шею переходить и обратно с пленным тем же путем пробираться уже втроем – за часовым всегда охотились вдвоем. Дрожит несчастный, а под кинжалом лезет в воду. На эти операции посылали охотников самых ловких, а главное, сильных, всегда вдвоем, иногда и по трое. Надо снять часового без шума. Веселое занятие – та же охота, только пожутче, вот в этом-то и удовольствие.

...Заклучили мир, войска уводили в глубь России, но только 3 сентября 1878 года я получил отставку, так как был в охотниках. Нас держали под ружьем, потому что башибузуки наводняли горы и приходилось воевать с ними в одиночку в горных лесных тущобах, ползая по скалам, висая над пропастями. Мне это занятие было интереснее, чем сама война. Охота за башибузуками была увлекательна и напоминала рассказы Майн Рида или Фенимора Купера. Вот это была война, полная приключений, для нас более настоящая, чем минувшая. Ходили маленькими партиями по 5 человек, стычки были чуть не ежедневно».

Начало снайпинга

И все же пластунов и егерей следует считать только предшественниками, но не родоначальниками снайперского искусства, поскольку у них не было главного – дальнобойного и высокоточного оружия с оптическим прицелом. Только с появлением такого оружия «сверхметкий стрелок» стал действительно сверхметким.

Использование телескопа в качестве прицельного приспособления ружья уходит в глубины веков; описание подобного устройства можно встретить в трактате «Magister Naturae et Artis» Франческо де Ланы, увидевшем свет в 1684 году. В наставлении «Oculus Artificiales Teledioptricus», датированном 1702 годом, описывается ружейный прицел, состоящий из четырех линз и стеклянного диска с выгравированной в центре точкой, служащей прицельным приспособлением. Фридрих Великий записал в своем дневнике в 1737 году, что стрелял из нарезного ружья, оснащенного телескопическим прицелом. «Есть данные, что телескопиче-

ские прицелы очень ограниченно использовались во время войны за независимость в Северной Америке», – писал ведущий британский специалист в области стрелкового оружия Ян Хогг. Однако только к середине XIX века оружейники догадались поместить в оптическую систему телескопа, неподвижно закрепленного на винтовке, перекрестье из металлических нитей для наводки оружия в цель. Такой принцип использования оптического прицела сохранился до нынешнего времени – конечно, с учетом различных усовершенствований.

Появление оптического прицела стало революционным прорывом в стрелковом деле, но вся важность этого изобретения стала понятна много позже. При использовании телескопического прицела сами собой исчезли многие трудности, связанные с прицеливанием: глаз стрелка меньше напрягается и утомляется; увеличение цели и светосила (ясность изображения) облегчают стрельбу на средние и дальние дистанции даже по небольшим целям. Хорошо замаскированные и малозаметные цели легко обнаруживаются даже тогда, когда их нельзя увидеть невооруженным глазом; прицел позволяет вести стрельбу при таких условиях освещенности, когда использование обычных прицелов вообще невозможно – например в сумерках или на рассвете. Оптический прицел стандартного 4-кратного увеличения позволяет стрелку попасть с 200 метров в цель диаметром 3–4 см, а с 400 метров – в цель диаметром 7–8 см. При этом точность огня улучшается примерно в 4 раза по сравнению с обычным прицельным приспособлением.

Появление снайпинга в современном понимании этого слова можно связать с началом мелкосерийного производства дальнобойных винтовок, оснащенных телескопическими прицелами. Это произошло около 1850 года, когда капсюльные винтовки с оптикой стали применяться американскими стрелками-спортсменами. Оружие действительно было отличным: с дистанции 100 ярдов (91 м) профессиональные стрелки разрезали пулю пополам, попадая в острие поставленного у мишени ножа; на меньших расстояниях вбивали пулей гвоздь в стену, срезали с горящей свечи фитиль.

Нельзя недооценивать боевые качества винтовок того времени. Например, винтовка Витворта 45-го калибра уверенно укладывала группу из пяти пуль в круг радиусом 4,5 дюйма (11,43 см) с дистанции в 500 ярдов (457,5 м). А изготавливавшиеся в США кустарным способом с начала XIX века капсюльные кентуккские винтовки на дистанции до 180 ярдов (около 160 м) имели кучность 28 мм – это стандартная кучность лучших современных снайперских стволов. На некоторых кентуккских винтовках также устанавливались телескопические прицелы. Известно, что уже во время восстания в Индии в 1856 году подобное оружие применялось отдельными стрелками английских колониальных войск.

По неподтвержденным сведениям, организаторы и руководители обороны Севастополя во время Крымской войны (1853–1856) адмиралы Корнилов и Нахимов погибли именно от огня английских снайперов, вооруженных винтовками системы Витворта с телескопическими прицелами.

На заре XX века

Снайперы применялись в русско-японскую войну (1904–1905) и во время балканского вооруженного конфликта в 1912 году. В.Е. Маркевич, воевавший во время русско-японской войны в драгунском полку, вспоминал, что имел с собой собственную 7-мм винтовку Маузера с телескопическим прицелом и неоднократно успешно ею пользовался. Хотя использование в боевых действиях «сверхметких стрелков» показало себя с самой лучшей стороны, военное командование большинства европейских армий не спешило вводить снайперов в штатное расписание подразделений, в первую очередь из-за высокой стоимости оптических прицелов. В целом же мнение тогдашнего генералитета выразил германский генерал А. Шлифен, который еще в 1909 году писал, что «представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовер-

шенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто. Едва успела одна пуля покинуть ствол винтовки, как за ней следует другая. Если только рука стрелка уверенна, а глаз меток, то ему удастся поразить самую отдаленную цель. Движущая сила так велика, что поражается почти все пространство между дулом винтовки и целью».

Но начавшаяся через несколько лет мировая война доказала, что в стрелковом деле достигнуто еще далеко не все, а совсем наоборот – все только начинается...

Первая мировая война

К сожалению, опыт снайперов англо-бурской войны в начале XX века обобщен не был. Да и во время Первой мировой и последующей Гражданской войн снайперы в войсках массово не применялись. Остро не хватало снайперского оружия, оптических прицелов и отработанных снайперских методик. Изредка стреляли друг по другу призывные стрелки, ради собственной потехи устраивая на фронте свободную охоту.

В поисках истоков снайпинга можно глубоко забираться в историю, но целенаправленное использование «охотников в униформе» и установка оптических прицелов на винтовки начались только в Первую мировую войну, хотя отдельные случаи использования винтовок с оптическим прицелом имели место еще в русско-японскую. Русская армия, уделявшая «цельной стрельбе» немалое внимание, проявила интерес и к «прицельным ружейным трубам», появившимся в обиходе стрелков-спортсменов и охотников. Незадолго до Первой мировой проводились опыты по приспособлению оптических прицелов Герца на трехлинейку, но никакого решения принято не было. Между тем германцы уже в 1915 году применяли на фронте винтовки с прицелами Цейсса. Союзники России также стали применять подобное оружие и те же приемы. В военном лексиконе утвердилось английское слово «снайпер» – «охотник на бекасов», или «стреляющий из укрытия». Наконец, в начале 1917 года ГАУ дало Обуховскому заводу наряд на прицелы Герца. Но крайне ограниченные финансовые возможности и сырьевая база государства с трудом покрывали даже потребности флота и артиллерии, так что снайперской винтовки русская армия так и не получила.

Германский снайпер в передовой траншее. Западный фронт, 1915 г.

Траншеи Первой мировой стали настоящим «раем» для снайперов. Немцы однозначно доминировали в области ведения дальнего прицельного огня из стрелкового оружия. Согласно свидетельствам англичан, зимой 1915 года любое появление британского солдата за пределами окопа гарантировало мгновенную смерть. Даже ношение наручных часов представляло собой большую опасность, так как отражаемый ими свет сразу же привлекал внимание немецких снайперов. Любой предмет или часть тела, которые оставались вне укрытия на 3 секунды, вызывали огонь немцев. Степень превосходства немцев в данной области была настолько очевидной, что, по словам очевидцев, некоторые немецкие снайперы, чувствуя свою абсолютную безнаказанность, забавляли себя стрельбой по всевозможным предметам. Превосходство немцев может быть отчасти объяснено наличием у последних огромного количества винтовок с оптическими прицелами. Кроме того, охота была национальным спортом в Германии, что облегчило немецкой армии процесс подготовки снайперов.

Боевое крещение

Большинство европейских армий вступило в войну, уже полагаясь более на прицельный винтовочный и пулеметный огонь, чем на штыковой удар. Например, русская пехота владела высоким искусством стрельбы, чему способствовала отработка самостоятельных действий стрелков. В «Наставлении для стрельбы из винтовки, карабина и револьвера» (1914 г.) говорилось, что при одиночной самостоятельной стрельбе каждый солдат сам определяет расстояние до цели, ставит прицел и выбирает точку прицеливания, а также удобный момент для открытия огня, если это не было запрещено командиром. Такой подход приносил свои плоды. Так, в конце июля 1914 года венгерская кавалерийская дивизия перешла русскую границу и в конном строю атаковала город Владимир-Волынский. Оборонявший город 65-й пехотный лейб-бородинский полк подпустил атакующих на 400 шагов и положил их всех. Венгерские конники повторили атаку пять раз, и русские пехотинцы уничтожили вражескую дивизию практически полностью.

Тем не менее подобное стрелковое мастерство пехоты стало практически бесполезным, когда в 1915 году расчет Германии на разгром и вывод Франции из войны потерпел провал (во многом благодаря наступлению русских войск в Восточной Пруссии и Галиции) и на Западном фронте стороны перешли к стратегической обороне. Активные боевые действия сменила позиционная борьба на стабильном сплошном фронте с вялыми и малорезультативными попытками сторон изменить положение.

Первыми стали использовать снайперов немецкие войска. Еще в начале XX века в германской армии были созданы группы унтер-офицеров, которые тренировались в искусстве быстрой и точной стрельбы, учились маскироваться и вести скрытное наблюдение. В германских войсках уже к концу первого года войны было более 20 000 снайперских винтовок. Имея до шести снайперов на роту, немцы обладали большим преимуществом в позиционной войне.

Германская армейская инструкция гласила, что «оружие с оптическим прицелом очень точно действует на расстояние до 300 метров. Выдавать его нужно только обученным стрелкам, которые в состоянии ликвидировать противника в его окопах, преимущественно в сумерках и ночью... Снайпер не приписан к определенному месту и определенной позиции. Он может и должен перемещаться и занимать позицию так, чтобы произвести выстрел по важной цели. Он должен использовать оптический прицел для наблюдения за противником, записывать в блокнот свои замечания и результаты наблюдения, расход боеприпасов и результаты своих выстрелов. Снайперы освобождены от дополнительных обязанностей. Они имеют право носить специальные знаки отличия в виде скрещенных дубовых листьев над кокардой головного убора».

Немецкие снайперы сыграли особую роль именно в позиционный период войны. Даже не атакуя передний край противника, войска Антанты несли потери в живой силе. Стоило только солдату или офицеру неосторожно высунуться из-за бруствера окопа, как мгновенно со стороны немецких траншей звучал выстрел снайпера. Моральный эффект от таких потерь был чрезвычайно велик. Настроение англо-французских частей, за день терявших несколько десятков человек убитыми и ранеными, было подавленным. Выход был один: выпустить на передний край своих «сверхметких стрелков». В период с 1915 по 1918 год снайперы активно использовались обеими воюющими сторонами, благодаря чему в основном и сложилась концепция военного снайпинга, были определены боевые задачи для «сверхметких стрелков», отработаны основные тактические приемы.

Английский «меткий стрелок». 1916 г.

Вот как описывает действия германских снайперов Э.-М. Ремарк в романе «На Западном фронте без перемен»: «У брустверов стоят несколько снайперов. Пристроив свои винтовки с оптическими прицелами, они держат под наблюдением большой участок вражеских позиций. Время от времени раздаётся выстрел.

Через некоторое время мы слышим возгласы:

– Вот это вцепил!

– Видал, как он подпрыгнул?

Сержант Эльрих с гордостью оборачивается и записывает себе очко. Сегодня на его счету три точно зафиксированных попадания, и он стоит на первом месте в снайперской таблице.

Мы глядим друг на друга.

– Я бы этого делать не стал, – говорю я.

– И все-таки, – отвечает Кат, – очень хорошо, что ты видишь это именно сейчас.

Сержант Эльрих снова подходит к брустверу. Дуло его винтовки рыщет то направо, то налево».

Характерно, что уже тогда, на фронтах Первой мировой войны, сформировалось негативное отношение к снайперам как к «убийцам, стреляющим исподтишка».

Известный отечественный оружейник В.Г. Федоров вспоминал о своей поездке на позиции русских войск в июле 1915 года: «В окопах все бойницы днем закладывались кирпичами и камнями. Я хотел было вынуть один из кирпичей, чтобы лучше рассмотреть расположение противника, как меня поспешно остановили:

– Что вы делаете, нельзя! Немец немедленно всадит вам пулю в лоб.

Мне рассказали, что так погиб недавно офицер, приехавший из штаба. У неприятеля были особо искусные стрелки, снабженные винтовками с оптическими прицелами. То были первые снайперы, уже появившиеся в германской армии. Ничего подобного в царских войсках еще не было».

В русской армии не было штатной снайперской винтовки, хотя для уничтожения живой силы противника из укрытий в Финляндии (тогда – русской провинции) была заказана большая партия перископических прицелов и специальных приспособлений, превращавших стандартную «трехлинейку» в «винтовку смертельного боя» – специальное траншейное оружие, позволяющее стрелку не высываться из траншеи при стрельбе. Это устройство обеспечивало удовлетворительную точность, но не имело возможности изменять установку прицела для стрельбы на разные дистанции. Кроме того, после каждого выстрела оружие нужно было опускать в окоп для перезарядки.

Французский снайпер поджидает жертву. 1916 г.

Правда, в начале 1914 года, т. е. еще до вступления России в мировую войну, на полигоне Офицерской стрелковой школы в г. Ораниенбаум был испытан на трехлинейной винтовке оптический прицел системы Герца. Однако только в конце 1916 года прицелы этой системы, производившиеся на Обуховском заводе, были признаны пригодными для использования в войсках. Первые 20 изготовленных прицелов передали для «обкатки» в ту самую роту Измайльского полка, которая была первым в мире подразделением автоматчиков, име-

ющей на вооружении автоматы системы В.Г. Федорова. Между тем генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович отмечал в это же время, что «оптические прицелы имеют особую ценность для тех отборных стрелков, на которых возлагается специально следить за неприятельскими окопами и обстреливать неосторожно обнаруживающих себя людей, для ружей-пулеметов же их значение небольшое». Он в связи с этим считал необходимым «выполнить приладку 50—100 прицелов к 3-линейным винтовкам», однако сделано это так и не было.

Во время Первой мировой войны, потребовавшей массовости специального оружия, почти всеми воюющими сторонами стали применяться линейные винтовки или охотничьи карабины, оснащенные оптикой. Из-за нехватки оптических прицелов часто в качестве снайперских брали обычные штатные винтовки, отобранные среди других как наиболее точные, даже без оптики. Во-первых, многие стрелки не считали реальным винтовочный огонь по одиночным целям, удаленным далее 300 ярдов (280 метров); во-вторых, магазинные винтовки начала века отличались высоким качеством изготовления, а следовательно, и точностью (кстати, неудивительно, что вооруженные такими винтовками буры во время англо-бурской войны показали себя великолепными стрелками).

В войсках Антанты особенно прославились снайперы Канадского корпуса. Подполковник морской пехоты Великобритании Невил Армстронг писал об эффективности этих стрелков: «Достойны упоминания два случая: пленные одной (немецкой) роты показали, что в течение двух недель у них было убито 10 человек; пленные другой роты показали, что у них за пятидневку было убито 7 человек. Допустим, что немецкая рота занимала по фронту 400 ярдов, а канадский корпус – 20 000 ярдов. Следовательно, перед корпусом находилось примерно 50 немецких рот. Если принять, что в среднем в каждой роте был один убитый за день, то окажется, что в день наши снайперы убивали 50 немцев, а в 20 дней уничтожали немецкий батальон».

Капитан Канадского корпуса Герберт Мак-Брайд позднее написал основанную на своем боевом опыте книгу «Солдат ушел на войну». Он отметил в своих записках, как влияют на точность стрельбы из винтовки температура воздуха, влажность, ветер и другие внешние факторы. В своей снайперской практике Мак-Брайд отработал основные тактические приемы «сверхметкого стрелка», недаром его книга до сих пор считается на Западе классикой снайперской литературы.

В британских войсках во время войны появилась так называемая «секция разведки батальона», включавшая 8 снайперов и 8 разведчиков и предназначенная в первую очередь для проведения снайперских операций и ведения разведки на переднем крае. Это подразделение оказалось очень удачным новшеством: достаточно сказать, что в американской армии «снайперско-разведывательный взвод» в сухопутных войсках выполняет те же функции при таком же составе.

Полковник Лоувэт возглавил полк скаутов, занимавшийся в основном разведкой и снайпингом. Именно «скауты Лоувэта» первыми применили лохматый камуфляж типа «гилли», широко используемый и сегодня. Также большой вклад в развитие снайпинга британской армии внесли майор Хескет-Пригчарт, майор Гэйторн-Харди, капитан Андерхилл, полковник Лэнфорд-Ллойд.

Уже в те годы перечисленные выше английские офицеры хорошо осознали, что помимо умения точно стрелять «сверхметкие стрелки» должны обладать такими качествами, как хорошее зрение и способность применить его, развитый слух, проницательность, спокойствие, храбрость, настойчивость, терпеливость. Напротив, человек впечатлительный и беспокойный, с нервным темпераментом, не сможет стать снайпером. Невил Армстронг дал такое определение снайпера: «Это искусный стрелок из винтовки, прекрасно подготовленный для наблюдения и использования местности, одинаково ценный в позиционной и маневренной войне.

Он должен уметь выискивать цели, появляющиеся только на короткое время, и поражать их с одного выстрела со скрытой позиции».

В период позиционных боев именно английские снайперы отработали методику использования «скульпмакетов» – муляжей местных предметов, внутри которых помещались стрелки. Невидимые для наблюдателей противника, они вели визуальную разведку вражеских передовых позиций, вскрывали расположение огневых средств и уничтожали наиболее важные цели.

Боевой опыт наглядно показал, что сила снайперского искусства состоит в способности перенести войну на территорию противника и, как скальпелем, вырезать из его массы куски мяса, внося в его ряды страх и неуверенность, снижая его боевую активность и ставя в прямую зависимость от небольшого числа метких стрелков.

Между великими войнами. Затишье перед бурей

После подписания Версальского договора произошло то, что и должно было произойти: о снайперах попросту забыли. Упоминавшийся выше Невил Армстронг с горечью писал в 1940 году, т. е. уже после начала Второй мировой войны: «Люди, осуществившие в первые дни прошлой войны организацию, позднее известную как секция разведки батальона, лелеяли надежду, что после войны 1914–1918 годов не забудут о подготовке снайперов, разведчиков и наблюдателей. Однако среди стрелков в армии развилось пренебрежительное отношение к снайперам. Стрелки полагали, будто снайпинг только «феномен» времен позиционной войны и, очевидно, он больше не воскреснет. Снайпинг забывали. По мере того как проходили годы, телескопические прицелы исчезали из армии, и секция разведки батальона прекратила свое существование. Немногие знатоки и мастера обучения молодых солдат искусству разведки, использования местности и снайпинга вернулись после войны к своим мирным делам. Прошло 22 года, и снова «на полях Фландрии» мы сражаемся с тем же самым врагом. Снова жизни наших солдат принесены в жертву опытным снайперам немцев вследствие того, что мы не были готовы и забыли данный нам урок».

Зато в это же время снайперы входили в моду в стране, практически не применявшей их на фронтах Первой мировой войны, – в России. Большевики ожидали новой интервенции, поэтому активно перенимали боевой опыт западных армий. Уже в 1924 году появляется русский перевод книги Хескет-Притчарта, не оставшейся незамеченной военными специалистами.

Финская снайперская пара на позиции. Карельский перешеек, 1940 г.

Сначала, сразу после окончания Гражданской войны, в Красной Армии снайперов считали ненужной блажью. Расчет на основное поражение противника, как и в царской армии, строился на плотности огня. По некоторым сведениям, это было следствием указания свыше.

Военным незачем было знать снайперские тонкости. Это должны были знать только те, кому положено знать. В системе ОГПУ – НКВД при Генрихе Ягоде снайперской подготовке сотрудников для выполнения специальных заданий уделялось повышенное внимание и выделялись немалые средства. Бригады подготовленных снайперов существовали и при сталинской охране. Для этого в Германии были закуплены неплохие оптические прицелы, на базе которых впоследствии были созданы очень удачные прицелы ПЕ и ПБ. В СССР активно развивался стрелковый спорт, но общевойсковых тактических снайперских методик не было.

В СССР снайперское дело получило развитие в 30-х годах. В 1929 году на курсах «Выстрел» был специально создан снайперский курс. Он готовил снайперов и руководителей снайперского дела. В 1929 году в Кусково под эгидой ОСОАВИАХИМа начинает действовать школа «Снайпинг» для подготовки инструкторов-снайперов. Позднее подготовкой снайперов занимались специальные курсы ОСОАВИАХИМа и войсковые части. В 1933 году был введен осоавиахимовский значок «Снайпер», а в 1938 году – нагрудный знак «Снайпер РККА».

Параллельно с развитием оружия шла подготовка снайперов. И начиналась она у нас двумя основными потоками. Зачинателями армейского снайпинга, внутри РККА, были знаменитые наши курсы «Выстрел», где уже в 1929 году организован курс подготовки снайперов и руководителей снайперского дела (инструкторов).

Финская война

Жестокий урок РККА преподали финны во время зимней кампании 1939 года. Финское командование отлично подготовилось к войне. Во время атаки советской пехоты финские снайперы целенаправленно выбивали офицеров – благо они резко выделялись в пехотной цепи своими белыми офицерскими полушубками и блестящими ремнями португалии крест-накрест.

Во время финской войны советские командиры столкнулись с необъяснимым и страшным явлением – снайперами-«кукушками». Работа их была необычайно эффективна и признана наиболее результативной снайперской практикой. Боевая тактика снайперов-«кукушек» была непонятной своей нестандартностью, неуставностью и коварством. Финны первыми указали на то, что запрещенных приемов в снайперской практике нет. Приемам этим не было числа, и они мало повторяли друг друга.

Зимняя маскировка снайпера

Название «кукушки» финские снайперы получили за то, что поначалу стреляли с деревьев и переговаривались птичьими голосами. Удобно устроившись на могучих ветвях вековой сосны, финн выжидал появления цели поважнее и «снял» ее. По дереву, где находилось снайперское гнездо, красноармейцы открывали ураганный огонь из всех стволов, но снайпера там уже не было – хитрый финн на веревке сразу же спускался под прикрытием толстого ствола сосны в заранее выкопанный блиндаж, где и пережидал обстрел. Иногда, по обстоятельствам, чтобы успокоить противника, финн тянул за веревку и стягивал из снайперского гнезда чучело в маскхалате с винтовкой, которое очень красиво падало, переваливаясь с ветви на ветку, или застревало между ветвями в самой неестественной позе. После обстрела снайпер вылезал из блиндажа, поднимался на дерево и опять принимался за свою работу.

По дереву снова начинали стрелять. Обычно из пулеметов «максим» (он устойчив при стрельбе и обеспечивает очень точный и прицельный бой) дерево расстреливали вдоль и поперек, пока оно не падало. Но пока пулеметчики, гложие от стрельбы, увлеченно «пилили» дерево, другой финн со стороны расстреливал всех, кто находился сзади пулеметчиков, а потом принимался за них самих. Пулеметчики прекрасно глушили выстрелы финского снайпера.

Финские «кукушки» сидели на деревьях поочередно – пока один высматривал добычу, другой спокойно отсыпался внизу, в утепленном блиндаже. Таким способом на лесных дорогах обеспечивалось круглосуточное дежурство, что препятствовало проникновению советских разведдиверсионных групп за линию фронта.

Для финских снайперов не было разницы, на какой стороне линии фронта стрелять – на своей или сопредельной. При наступлении Красной Армии множество финских снайперов оставалось сидеть замаскированными в сугробах, вблизи прогнозируемого расположения стратегически важных объектов Красной Армии: аэродромов (на озерах, покрытых льдом), артиллерийских батарей, штабов, узлов связи, коммуникаций, транспортных развязок, сосредоточения живой силы и т. д. Обычно это были ровные места в лесах, защищенные по периметру складками местности, вычислить которые было довольно легко.

Финские снайперы, выждав время, начинали действовать в самый неожиданный момент. Брошенные на захват и поимку «кукушек» подразделения разведчиков подрывались на минах, которыми финн заблаговременно окружал позицию. Но даже оставшиеся в живых возвращались ни с чем. Финский снайпер вставал на лыжи и уходил к своим. Выросшему на севере финну пройти зимой 100–120 км на лыжах и заночевать в снегу при температуре минус 40° было обычным делом.

Но боевого искусства снайперов-«кукушек» советское руководство не признавало и в неудачах обвиняло младших командиров (боявшихся проявить инициативу и сделать шаг вправо-влево от уставов). Высокое начальство призадумалось только тогда, когда «кукушки» расстреляли несколько штабных автомашин с представителями командования вместе с сопровождающей их свитой. Расстрелы происходили в разных местах, но по одному сценарию: финский снайпер простреливал заднее колесо, обездвигивая машину, и спокойно расстреливал всех, кто в ней находился. Только после этого командование стало понимать, что надо организовать встречные засады на путях выдвижения финских снайперов. Но было поздно. Финская кампания окончилась. Финские снайперы понесли мало потерь, и ни один не был захвачен в плен живым.

Снайперы-«кукушки», свободно перемещавшиеся в лесах, причиняли РККА много неприятностей в диверсионном плане. Летчики рассказывали, как «кукушки» открыли шлюзы озера, на льду которого они расположили аэродром. При лунном свете больше двух десятков боевых самолетов начали проваливаться под лед. Зрелище было страшное. Огнем снайперских винтовок финны не давали приблизиться к шлюзам и закрыть их.

Впрочем, стоит заметить, что и сами советские войска представляли весьма заманчивую мишень. Как сказал один из финских солдат: «Мне нравится воевать с русскими, они идут в атаку в полный рост». Тактика массированного наступления, «человеческой волны», обернулась в той войне огромными потерями для Советского Союза.

Разработанная финнами тактика работы снайперов в зимнее время оказалась настолько удачной, что впоследствии ее применяли и русские, и немцы. И даже сейчас к ней добавить практически нечего.

Развитие снайперского дела в СССР

После финской войны советское командование сделало соответствующие выводы. Для снайперского применения были разработаны новые образцы снайперского оружия – винтовка СВТ и оптический прицел универсальный ПУ, который оказался настолько удачным, что применяется и по сей день. В то же время была обобщена общевойсковая снайперская тактика и разработана практическая методика стрелковых тренировок, пригодная для широкого применения. Немцы перед Второй мировой войной тоже разрабатывали снайперские методики и основную ставку при этом сделали на высокую технику меткого выстрела. Подготовка снайпера в довоенной Германии длилась не менее двух лет. Надо отдать должное, немецкие снайперы стреляли очень хорошо, и подготовлено их было большое количество. Мы же, к сожалению, в снайперском плане к войне подошли недостаточно подготовленными.

Советские снайперы пользовались разными винтовками, в том числе германскими – ведь в 1929 году СССР был в хороших отношениях с Веймарской Германией. Пользовались разными винтовками, спортивными винтовками, которые начали изготавливаться, например, в Туле. И в том же году открываются снайперские курсы ОСОАВИАХИМа. Уже через 6 лет, к 1935 году, в ОСОАВИАХИМе действует 11 снайперских школ. Было развернуто движение «Ворошиловских стрелков». Но это было массовое движение за овладение меткой стрельбой, которая нужна любому солдату. Были учреждены значки «Снайпер ОСОАВИАХИМа» и «Ворошиловский стрелок». С такими значками ходили выпускники снайперских школ до 1938 года включительно.

Если к 1940 году около 6,5 миллионов человек в СССР сдали нормативы на «Ворошиловского стрелка», то на снайпера ОСОАВИАХИМа – около 6–7 тысяч человек, т. е. это были именно снайперы. Есть хорошая английская поговорка: «Всякий снайпер – хороший стрелок, но не всякий хороший стрелок – снайпер».

К началу Великой Отечественной войны Красная Армия располагала значительными кадрами снайперов. Чувствительный урон, наносимый советскими снайперами, побудил немцев к производству в большом масштабе оптических прицелов и обучению снайперов.

Красная Армия имела случай убедиться в значении снайперов во время советско-финской войны 1939–1940 годов. Умелые действия финских снайперов заставили пересмотреть собственные программы подготовки. В результате РККА оказалась готовой к широкому использованию снайперов в составе подразделений. В начальный период Великой Отечественной в частях Ленинградского фронта зародилось снайперское движение, вскоре распространившееся и в морской пехоте РККФ, и в войсках НКВД. Для повышения авторитета снайперов вводились неофициальные звания типа «знатный снайпер», выдавались именные винтовки. 21 мая 1942 года в числе нагрудных знаков утвердили знак «Снайпер». Боевой устав пехоты 1942 года определял задачи снайпера так: «Уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, оружейных и пулеметных расчетов (особенно фланкирующих и кинжальных), экипажей остановившихся танков, низко летящих самолетов противника и вообще всех важных появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей». Предполагалась самостоятельность снайперов в выборе позиции, целей и ведении огня. Указывались и задачи снайперов в ходе боя в особых условиях – в лесу, в населенном пункте.

Невиданного размаха в СССР в 30-е годы достиг стрелковый спорт, причем стрелки-спортсмены отрабатывали упражнения, имеющие непосредственное отношение к «длинному» снайперскому выстрелу, например: стрельба из крупнокалиберной винтовки лежа на 300, 400, 500 и 600 метров по четырем целям; дуэльная стрельба из армейской винтовки на 300 метров с перебежкой; «минутка» – стрельба из армейской винтовки лежа на 300 метров в течение 1 минуты, количество выстрелов не ограничено; стрельба из малокалиберной винтовки лежа на

200 метров, 40 выстрелов и т. д. За один только зимний период 1932/33 года в школах снайперов подготовлено 460 стрелков и переподготовлено 186 начальников стрелковых отделов и секторов организаций ОСОАВИАХИМа. В октябре 1933 года создается Центральный стрелковый клуб оборонного общества, ставший учебно-методическим и организационным центром развития пулевой стрельбы. В течение 1935 года организациями ОСОАВИАХИМа обучено свыше 3000 снайперов для армии. Уже в 1936 году в СССР действовало 11 снайперских школ. Всего же с 1935 по 1940 год было обучено 13 000 снайперов различной квалификации.

Говоря о всплеске стрелкового спорта и снайпинга в 1930-е годы, нельзя не назвать имя А.А. Смирнского. Участник V Олимпийских игр 1912 года и победитель 1-й Всероссийской олимпиады 1913 года, он стал инициатором первых всесоюзных стрелковых соревнований, конструировал спортивное и специальное оружие. Из созданных Смирнским малокалиберных винтовок учились стрелять тысячи советских спортсменов, а разработанный им кронштейн для крепления оптического прицела на армейской винтовке без существенных изменений простоял на снабжении РККА до конца 1930-х годов.

Еще в 1929 году после ознакомительной поездки в Германию И.П. Уборевич, бывший в то время начальником вооружений РККА, писал К.Е. Ворошилову: «Каждый пятый или восьмой стрелок, по расчетам немцев, будет на винтовке иметь оптический прицел, значительно увеличивающий меткость стрельбы бойца. Приспособление к нашей винтовке оптического прицела требует улучшения стали, из которой изготовлен ствол... Мое резюме таково, что и нам не нужно скупиться на переход вооружений пехоты под оптический прицел, т. к. это окупится лучшими результатами действия в бою».

Подготовка снайперов Красной Армии

Большое значение для зарождающейся в нашей стране системы обучения «сверхметких стрелков» имело разработанное в 1933 году инспекцией пехоты и стрелковой подготовки РККА наставление «Методика стрелковой подготовки и курс стрельб для подготовки снайперов». Здесь впервые в отечественной практике были обобщены наиболее важные сведения, касающиеся организации и проведения учебных снайперских сборов. Например: «В современном бою на снайперов могут возлагаться следующие задачи: уничтожение лиц командного состава противника, его органов наблюдения и связи; подавление огневых средств противника, особенно хорошо замаскированных; ослепление бронированных машин противника; борьба со снижающимися самолетами противника. Снайперы ведут огонь по наземным целям из винтовок с открытым прицелом до 1000 метров, с оптическим – до 1500 метров. Вообще же стрельба для снайперов возможна в пределах нарезки прицела, с учетом видимости цели, важности и возможности ее поражения». Обратим внимание на то, что в числе боевых задач снайпера не была указана одна очень важная – борьба со снайперами противника.

«Маскировочная накидка». СССР, 1932 г.

Относительно огневой подготовки снайперов считалось, что «она складывается из проработки следующих задач:

- а) производство выцеленного, точного и уверенного выстрела по неподвижной цели при стрельбе с обыкновенным и оптическим прицелом;
- б) производство быстрого выстрела для поражения внезапно появляющихся на короткий срок целей;
- в) поражение быстродвигающихся наземных целей;
- г) производство меткого выстрела из различных положений, с упора из-за укрытий при стрельбе с обыкновенным и оптическим прицелом;
- д) поражение воздушных целей противника;
- е) быстрое поражение нескольких целей с переносом огня по фронту и в глубину;
- ж) ведение огня при различной видимости цели; ведение огня в составе группы снайперов».

К прохождению снайперского курса стрельб допускались только бойцы, выполнившие при обучении зачетные задачи стрельб из винтовки на «отлично» и сдавшие специальное упражнение на классификацию.

Первоначальную снайперскую подготовку красноармейцы получали на 45-дневных сборах, где прорабатывались все стрелковые задачи курса стрельб. Помимо собственно стрельб снайперам во время учебы надлежало решать также и тактические задачи, такие, как разведка и оценка местности, выбор места для огневой точки и оборудование ее, составление стрелковой карточки и простейшего чертежа местности, наблюдение за полем боя, отыскание и распознавание целей, определение расстояний, выбор момента открытия огня, выбор прицела и точки прицеливания, выбор положения для стрельбы и момента для производства выстрела, наблюдение за результатами огня. Примечательно, что при отработке тактических задач рекомендовалось для наглядности использовать в качестве целей живых людей (естественно, применялись только учебные патроны), при этом занятие приобретало форму встречного огневого столкновения.

Характерным для того времени было специальное упражнение, выполняемое в полной темноте: стрельба велась с дистанции 150 метров по цели, изображающей курящего в окопе вражеского наблюдателя. Меткая пуля, летящая из темноты на огонек сигареты, – этот образ остался еще со времен англо-бурской войны.

Показательно, что цель «ручной пулемет» снайпер РККА должен был поражать не более чем со второго выстрела с расстояния в 800 метров, появляющуюся на 4 секунды «головную фигуру» (дистанция 250 м) – с первого выстрела, движущуюся по фронту «головную фигуру» (дистанция 300 м) – со второго выстрела. Все это свидетельствует о высоком стрелковом мастерстве первых советских снайперов, а также о хороших боевых качествах винтовок и оптики.

Снайперский расчет РККА отражает «химическую атаку» противника. Маневры 1934 г.

Интересно, что с учетом низкого образовательного уровня красноармейцев для решения задач по выбору точки прицеливания по различным целям на разные дистанции в наставлении рекомендовалось изготовление макета средних траекторий в натуральную величину – от 200 до 1000 метров. Провешивалась линия, на которой через каждые 50 метров в створе друг с другом вбивались стойки; на каждой стойке на определенной высоте, соответствующей средней траектории пули на этой дистанции, имелся гвоздик с надписью – каково превышение и

для какого прицела. При показе нужной траектории на эти гвоздики подвешивался шнур, в соответствующих точках устанавливались мишени.

Особое внимание уделялось отработке приемов ведения огня из различных положений. Наибольший интерес сегодня вызывает широко практиковавшийся в 1930–1940 годы способ использования при стрельбе штатного ружейного ремня, из которого получалась удобная петля, почти как на спортивном оружии. Несмотря на то что со времени выхода в свет этого пособия прошло семьдесят лет, к этой методике тренировок «сверхметких стрелков» мало что можно добавить и сегодня.

Еще до начала Великой Отечественной советские снайперы получили боевое крещение во время военного конфликта на Карельском перешейке в 1939–1940 годах. Это была странная война: большая, прекрасно вооруженная и механизированная Красная Армия в течение полугодя с огромным трудом и тяжелейшими потерями пыталась сломить сопротивление совсем небольшой (около 100 тысяч человек) финской армии. Многие советские солдаты и офицеры не были готовы к тому, что им придется столкнуться с малыми, очень подвижными отрядами лыжников, многочисленными минами-ловушками и знаменитыми снайперами-«кукушками». Участник боев на Карельском перешейке позднее вспоминал: «Замечаем: пули ложатся вокруг нас. Откуда они? Вдруг падает пулеметчик. Спрашиваем: «Куда ранен?» – «В затылок», – отвечает наклонившийся к нему товарищ.

Значит, стреляют с тыла. Начинаем осматривать деревья. Ветви густые, завалены снегом. Замечаю, что ветви одной из елей чуть-чуть кольшутся. Всматриваюсь через прицел снайперской винтовки и вижу: «люлька», а на ней ноги в пьексах. Стреляем. С дерева падает человек. Подбегаем: белофинн с автоматом.

Осматриваем другие деревья; на некоторых замечаем тоненькие полоски – круговые срезы коры, вглядываемся: на каждом из таких деревьев устроены «люльки», но людей нет, очевидно, эти деревья подготовлены «про запас».

...В первые минуты мы думали, что сбитые нами белофинны – случайные люди, отрезанные от своих и спрятавшиеся на деревьях, чтобы вредить в наших тылах. Тогда мы еще не знали, что подобный способ войны – система, которую враг станет применять по всему фронту». (И. Кульпин. «Бои в Финляндии».)

Финский снайпер

Тактика партизанской войны и мелких диверсий, проводимая малочисленной финской армией, принесла свои плоды: по оценкам (вероятнее всего, спекулятивным) некоторых военных историков, потери советских войск были очень большими, при этом можно полагать, что значительная часть солдат была уничтожена именно снайперами. Финские «кукушки» отработали основные тактические приемы, которые позднее советские снайперы с успехом применили против немцев. Например, работа снайпера в контакте с пулеметчиком и подрывниками. «Кукушки» также придумали зимнее снайперское укрытие «финский сугроб», использование ложных позиций для отвлечения противника, минирование покидаемой «лежки» и многое другое.

Бывший сотрудник НКВД СССР С.А. Ваупшасов в мемуарах пишет: «Умный и коварный противник оставлял на занятой нами земле многочисленные подразделения стрелков и автоматчиков, целые лыжные батальоны с задачей дезорганизовать функционирование войсковых тылов, рвать коммуникации, нападать на госпитали, штабы, склады. Легкие, подвижные группы шюцкоровцев были мастерами такой вот «малой войны» и доставляли нашему командованию много хлопот.

На борьбу с диверсионными отрядами были брошены пограничные батальоны и другие войска НКВД. Базируясь в тылу действующей армии, мы охраняли подъездные пути, линии связи, тыловые учреждения, выслеживали, вылавливали и уничтожали вражеских лыжников...

Наибольшую опасность представляли одиночные финские автоматчики и снайперы, засевшие на деревьях в белых маскировочных халатах и совершенно сливавшиеся со стволом и ветками, запорошенными снегом. Советские бойцы прозвали их «кукушками», видимо, за одиночество и «древесный» образ жизни. «Кукушки» имели задачу выводить из строя командный состав. Наши командиры и политработники очень скоро перестали носить далеко видные знаки различия, но «кукушки» все же ухитрялись узнавать начальников по кобуре пистолета, португее, командирским полшубкам и стреляли без промаха. Ни на минуту нельзя было снять маскхалат, чтобы не выделиться из среды бойцов». (С.А. Ваупшасов. «На тревожных перекрестках».)

Финны проиграли войну на всех направлениях, кроме одного. Противопоставить партизанской войне Красной Армии было практически нечего. Возможно, это одна из причин того, почему СССР не стал оккупировать «страну Суоми». Ведь в этом случае «малая война» разгорелась бы с новой силой и затянулась на годы, а финны уже показали, на что они способны.

Характерно, что, по сути, финны применили против Красной Армии ту самую тактику «малой войны», которая в 1920-е годы была разработана советскими военачальниками – М.В. Фрунзе, И.П. Уборевичем, А.И. Егоровым, В.М. Примаковым. Фрунзе еще в 1921 году писал в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия», что «если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка к «малой войне» будет проводиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армии противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником».

Многие военные специалисты до сих пор полагают, что подрыв важнейших мостов, массированное минирование дорог, засады и снайперский террор с первых часов вторжения могли бы резко снизить скорость немецкого блицкрига, если бы советское командование применило тактику мелких подразделений в 1941 году. Кстати, это мнение поддерживал и «советский диверсант № 1» – Илья Григорьевич Старинов: «Опустошение территории при отходе командование финляндской армии дополняло действиями партизанских снайперов и различного рода

минами. Все это составляло значительные трудности для Красной Армии». (И.Г. Стаинов. «Мины замедленного действия».)

Вторая мировая война

В ходе Второй мировой значение снайперского огня возросло. Не случайно в отчетах о боях действия снайперов противника часто упоминались в одном ряду с работой артиллерии и авиации, нередко вообще большинство потерь от огня стрелкового оружия списывалось на снайперов.

Красная Армия уже имела случай убедиться в значении снайперов во время советско-финской войны 1939–1940 годов. Умелые действия финских снайперов заставили пересмотреть собственные программы подготовки. В результате РККА оказалась готовой к широкому использованию снайперов в составе подразделений. В начальный период Великой Отечественной в частях Ленинградского фронта зародилось снайперское движение, вскоре распространившееся и в морской пехоте РККФ, и в войсках НКВД. Для повышения авторитета снайперов вводились неофициальные звания типа «знатный снайпер», выдавались именные винтовки. 21 мая 1942 года в числе нагрудных знаков утвердили знак «Снайпер». Боевой устав пехоты 1942 года определял задачи снайпера так: «Уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, оружейных и пулеметных расчетов (особенно фланкирующих и кинжальных), экипажей остановившихся танков, низко летящих самолетов противника и вообще всех важных появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей». Предполагалась самостоятельность снайперов в выборе позиции, целей и ведении огня. Указывались и задачи снайперов в ходе боя в особых условиях – в лесу, в населенном пункте.

Снайперское движение в РККА

Во время Великой Отечественной войны советское военное руководство хорошо понимало возможности даже одного качественно подготовленного снайпера, тем более снайпера-инструктора, способного в течение короткого срока подготовить десятки стрелков. Поэтому в Центральной школе инструкторов снайперского дела (ЦШИСД) учебный курс был рассчитан на 6 месяцев. Полугодичная подготовка снайпера в период войны, и это в то время, когда боевого летчика учили за 3–4 месяца!

В первые месяцы войны подготовка лучших стрелков была заботой частей и соединений передовой линии фронта. Обучение шло в запасных учебных частях, на краткосрочных курсах непосредственно в боевых порядках войск, велось путем непосредственного общения лучших снайперов части со своими товарищами и их совместными выходами на боевые позиции. Такая форма общения имела как положительные стороны, так и недостатки. Никакая теория не может заменить практику – работу снайпера в боевых порядках своего подразделения. Процесс приобретения боевого опыта гораздо эффективнее, когда рядом с обучаемым находится опытный наставник.

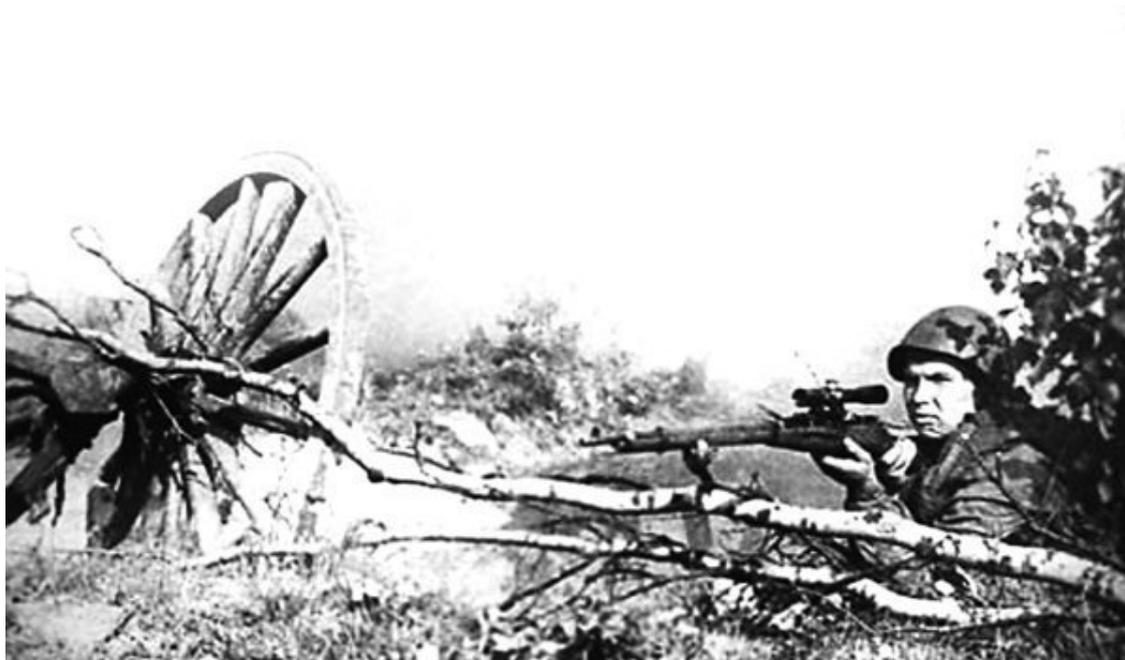

«Снайпер бьет издалека, но всегда наверняка!» Советский плакат. 1942 г.

Но командование понимало необходимость централизованной подготовки «сверхметких стрелков». Еще 18 сентября 1941 года вышло постановление о всеобщем обязательном военном обучении граждан СССР, которое дало возможность организовать военную подготовку населения без отрыва от производства. Программа обучения была рассчитана на 110 часов. Кроме других военных специальностей (пулеметчик, минометчик, связист), учеба шла и по линии снайпинга. Все же готовить снайперов в такие сжатые сроки было крайне трудно, поэтому вскоре было принято решение открыть специальные «школы отличных стрелков снайперской подготовки» (ШОССП) при военных округах. Обучение шло в течение 3–4

месяцев уже с отрывом от производства. Один только Московский военный округ имел три таких школы. В качестве преподавателей привлекались инструкторы по снайпингу ОСОАВИА-ХИМа, который, как и в мирное время, продолжал готовить снайперские кадры в своих школах. Кроме того, было решено организовать централизованную подготовку снайперов высокой квалификации с инструкторскими навыками. Для этого 20 марта 1942 года в Вешняках под Москвой была создана школа инструкторов-снайперов.

Уже первые месяцы работы школы показали, что крайне необходимо централизованно готовить не только инструкторов, но и рядовых снайперов высокой квалификации. Поэтому 15 мая 1942 года было предложено сформировать при школе 3-месячные курсы для обучения снайперов. Сроки же подготовки в школе инструкторов-снайперов с 18 июля 1942 года были увеличены до 6 месяцев.

Снайпер Красной Армии. 1941 г.

Применение снайперов на фронте показало, что наравне с мужчинами очень высокую стрелковую выучку и эффективность в боевой работе показали девушки-снайперы, подготовленные учебными подразделениями Всеобщего военного обучения (Всевобуча). На 1 января 1942 года в этой структуре было обучено 14 819 девушек-снайперов, а в марте – августе того же года – еще 39 941. Школа инструкторов-снайперов была переименована в Центральную школу инструкторов снайперского дела с 6-месячным сроком обучения. Одновременно этим же приказом при ЦШИСД были сформированы женские курсы отличных стрелков снайперской подготовки (ЖКОССП) и школа отличных стрелков снайперской подготовки с 3-месячным сроком обучения. Позднее, 21 мая 1943 года, женские курсы были реформированы в Центральную женскую школу снайперской подготовки. На всех фронтах Великой Отечественной войны воевало 1885 девушек-снайперов, выпускниц ЦЖШСП, около 180 человек погибло. В частности, в составе 3-й ударной армии боевой путь от Великих Лук до Берлина прошла рота первых выпускниц школы, уничтоживших 3012 фашистов.

К середине 1943 года в основном были закончены все крупные мероприятия по централизованной подготовке снайперских кадров для Красной Армии. За время войны в системе Всевобуча было проведено семь очередей подготовки. Первая очередь обучалась в 1941 году; в 1942–1944 годах было осуществлено по две очереди подготовки. За это время в общей

сложности было обучено 428 335 отличных снайперов, которые существенно усилили боевые порядки пехотных частей. Помимо этого, в учебных формированиях центрального подчинения было подготовлено 9534 снайпера высокой квалификации. В центральной школе снайпинга обучение шло до марта 1945 года.

Большой вклад в организацию централизованной подготовки снайперских кадров внес генерал-лейтенант Г.Ф. Морозов. Возглавляя один из отделов Генерального штаба, он накапливал и анализировал боевой опыт советских снайперов. Его книги «Методика огневой подготовки снайпера» и «Памятка снайперу» оказали неоценимую помощь при обучении снайперов во фронтовых частях.

Подготовка снайперов развернулась на специальных сборах, в снайперских школах, включая созданную в мае 1943 года Центральную женскую снайперскую школу. Для повышения квалификации снайперов практиковались армейские и фронтовые слеты. Обучали снайперов и на курсах, созданных при штабах партизанских соединений и крупных партизанских отрядов. Солидную базу для развития снайпинга подготовила предвоенная работа Осоавиахима, а активно развивавшийся в 20 – 30-е годы стрелковый спорт обеспечил основные кадры снайперов. Имена М. Буденкова, Н. Галушкина, Ф. Дьяченко, В. Зайцева, Н. Ильина, Ф. Охлопкова, И. Сидоренко, Г.Симанчука, Ф. Смолячкова, М. Пассара, Л. Павличенко, В. Пчелинцева, М. Поливановой, З. Поповой стали широко известны. Ряд немецких авторов, оценивая после войны бои на Восточном фронте, отмечали хитрость и хорошую подготовку советских снайперов.

Стала разнообразнее и тактика снайперов – они действовали в составе подразделений, отдельными командами, поодиночке и по двое. Наиболее эффективной считалась работа снайперов в паре, когда они поочередно выполняли функции наблюдателя и истребителя. Началось и широкое применение бесшумных винтовок – в основном это были штатные винтовки с глушителями типа «Брамит» (прибор «Братьев Митиных»).

Советская девушка-снайпер

В 1945 году, уже после окончания войны, американская пресса писала: «Русские снайперы показали огромное мастерство на немецком фронте. Они побудили немцев на производство в большом масштабе оптических прицелов и обучение снайперов».

Эталоном в снайперской подготовке периода Великой Отечественной войны является Центральная школа инструкторов снайперского дела, находившаяся в Вешняках под Москвой. Примером того, как готовили снайперские кадры в этой подмосковной школе, может служить свидетельство одного из инструкторов о подготовке даже не мужчин, а девушек-снайперов: «Трехлинейную винтовку и снайперскую СВТ-40 девушки научились разбирать чуть ли не с закрытыми глазами. Но прежде чем произвести первый выстрел боевым патроном, им пришлось многое усвоить. Нужно было изучить принцип действия прицела, почти автоматически уметь определять расстояние до цели, скорость ветра, скорость движения цели и быстро производить соответствующие расчеты. Требовалось упорно тренировать зрение, наблюдательность, отрабатывать твердость руки, умение плавно нажимать на спусковой крючок.

Курсантки осваивали правила маскировки, учились ползать по-пластунски и быстро делать перебежки, оборудовать стрелковые ячейки – основную, запасную и ложные, обеспечивая этим тщательную маскировку. Большое значение придавалось стрельбе из любого положения.

В казармах изучались лишь теоретические дисциплины и материальная часть. В осенний дождь, в зимнюю метель, в летний зной девушки с полной солдатской выкладкой шли на занятия. А идти до стрельбища надо было 7 километров. Девушки должны были уметь выполнять обязанности бойцов стрелкового отделения, стрелять из ручного и станкового пулемета, противотанкового ружья. Их также обучали приемам штыкового боя, метанию гранат и бутылок с зажигательной смесью.

В конце обучения – 70-километровый марш-бросок с полной выкладкой. В нем проверялись знания и умение снайперов применять на практике боевые навыки, полученные в школе. К концу обучения девушки уже отлично выполняли такие упражнения, как стрельба на расстояние 1000 метров по «станковому пулемету», с 800 метров – по «перебежчику», с 500 метров – по «грудной» фигуре, с 250 метров – по «стереотрубе». Центральная женская школа работала 27 месяцев, за это время было проведено три основных набора.

Снайпер Балтийского флота. ВОВ

Своеобразным было отношение фронтового командования к «снайпершам». По воспоминаниям одной из выпускниц Центральной женской школы Лидии Гудованцевой: «Приняли нас в штабе 1-й ударной армии душевно, все подходило к нам, чтобы взглянуть... Пригласили в политотдел. Там поинтересовались: все ли мы взвесили, а может, кто передумал, то можно и другие обязанности выполнять – в штабе работы хватает». Не правда ли, довольно странно: прибывшим на фронт кадровым снайперам предлагают работу в штабе – вдруг кто-нибудь не готов к боевой работе на передовой? Это свидетельство того, что старшие офицеры не принимали девушек-снайперов всерьез.

Помимо централизованной подготовки снайперских кадров было организовано обучение стрелков непосредственно во фронтовых частях. Снайперские школы формировались в масштабе армий со сроком обучения до трех месяцев, в зависимости от условий и боевой обстановки. В стандартную программу подготовки входило изучение правил обращения с ору-

жием и оптическим прицелом, определение дальности до цели, проверка боя оружия, изучение основ баллистики, выбор позиции для ведения огня и маскировка. Только снайперские школы Ленинградского фронта подготовили 1337 снайперов.

Война требовала немедленного действия, и поэтому в Красной Армии упор делался на физическую выносливость снайпера, маскировку и массовость. Основой специальной тактики стал снайперский террор. Тактика эта в условиях широкомасштабного военного конфликта оказалась единственно правильной и применялась до конца Второй мировой войны. В первые месяцы войны подготовленных снайперов в РККА не было. Солдаты и офицеры овладевали снайперским мастерством по ходу боевых действий. Позднее, в 1942 году, стали функционировать сначала трехмесячные, а затем шестимесячные снайперские курсы. Но этого было недостаточно. Во второй половине войны срок обучения снайперов был увеличен до восьми месяцев в специализированных снайперских школах.

Во время Великой Отечественной и в последующих вооруженных конфликтах наше снайперское движение оказалось результативнее немецкого и прочих благодаря не только массовости, но главным образом беспредельной русской изобретательности, нечеловеческой выносливости и адскому терпению, способности работать в грязи, снегу, под палящим солнцем. Способность советских снайперов из вроде бы достаточно простого оружия – трехлинейной винтовки – попадать противнику между глаз с расстояния 700–800 метров старослужащие помнят до сих пор. На войне время спрессовывалось. Жестокая необходимость обостряла восприимчивость и заставляла человеческий организм работать на грани невозможного. На что в мирное время требовались годы, на войне уходили месяцы и недели. В экстремальных жестоких условиях человек довольно быстро превращался в то, что сейчас называют модным термином – ниндзя. Боевое искусство советские снайперы довели до совершенства, и до наших японским снайперам-ниндзя было далеко.

Снайперы действовали очень изобретательно. Например, отец автора вспоминал, как действовал на их участке фронта взвод снайперов-«гастролеров». Прибыв на передовую, снайперы залегли цепью вдоль линии обороны. Затем с какого-то пригорка в сторону немцев была пущена железная бочка, частично наполненная различным металлическим хламом и оглушительно гремящая на каждой неровности рельефа. В итоге из вражеской траншеи на непонятный звук обязательно выглядывало несколько любопытных голов, а снайперы их всех поражали беглым огнем. После этого взвод переходил на новый, еще «не паханный» участок фронта и повторял свой трюк снова.

Сталинград: война снайперов

Говоря о снайперском движении во время Великой Отечественной, нельзя не остановиться подробнее на опыте Сталинградской битвы – сражения, небывалого по плотности снайперского огня.

В приказе командующего Сталинградским фронтом от 29 октября 1942 года «О развитии снайперского движения и использовании снайперов в борьбе с врагом», в частности, говорилось:

1. Во всех частях создать команды снайперов и организовать их подготовку в ходе боев.
2. В каждом взводе иметь не менее 2–3 снайперов.
3. Действия снайперов широко популяризировать, всяческие успехи в бою всемерно поощрять.

Самым известным снайпером Сталинграда, безусловно, является Василий Зайцев, уничтоживший 242 немецких солдата и офицера, в том числе руководителя берлинской снайперской школы майора Кониингса. Всего же группа Зайцева за четыре месяца боев уничтожила 1126 военнослужащих противника. Соратниками Зайцева по оружию были Николай Ильин, имевший на своем счету 496 немцев, Петр Гончаров – 380, Виктор Медведев – 342. Следует отметить, что главная заслуга Зайцева – не в его личном боевом счете, а в том, что он стал ключевой фигурой в развертывании снайперского движения среди руин Сталинграда.

Уличный бой, особенно в крупном городе, резко отличается от полевого боя. Борьба здесь идет за отдельные дома, а внутри домов – за этаж, лестничный пролет, квартиру. Большое расчленение, дробность боевых порядков подразделений и частей, действующих мелкими штурмовыми группами, – вот одна из главных особенностей городского боя. В Сталинграде противоборствующие стороны располагались не далее ста метров друг от друга, местами даже до двадцати пяти метров. Во многих местах тяжелые огневые средства и штурмовая авиация не могли вести огонь, не рискуя нанести удар по своим позициям. Поэтому в борьбе за огневую инициативу решающая роль принадлежала гранатометчикам, стрелкам противотанковых ружей (ПТР), и в первую очередь снайперам.

Василий Зайцев начал действовать в одиночку на узком участке своей роты (протяженностью около 200 м) у метизного завода, к тому времени уже почти полностью разрушенного. Обе стороны внимательно следили друг за другом. Каждое неосторожное движение, каждая оплошность немедленно наказывались.

В этих условиях Зайцев начал свою охоту за фашистами. Известно, что в полевом бою снайперы обычно стремятся выдвинуться к переднему краю противника, поближе к объектам своего наблюдения и огня. Так сначала действовал и Зайцев. Но когда начал наткаться на вражеских снайперов, подстерегающих и сковывающих его, то, естественно, попытался уйти из сферы их огня, в то же время не упуская их из пределов досягаемости своей винтовки. Позиции немецких снайперов на этом участке располагались в глубину на дистанциях, обычно не превышающих 800 метров. С более дальних дистанций немецкие снайперы не вели огня. Их посты гнездились ближе к переднему краю. Тогда Василий в поисках огневых позиций стал уходить от переднего края в глубину нашего расположения, удаляясь от немецких снайперов на дистанцию до 1000 метров. Немцам было уже труднее обнаружить советского стрелка.

Бороться с немецкими снайперами в одиночку становилось все труднее. Тогда возникла мысль об организации группы снайперов. Василий Зайцев ходил в роты, подолгу беседовал с бойцами, отбирая людей в снайперскую группу. Отобрал 30 человек. Учеба шла тут же, недалеко от переднего края.

Начинающего снайпера всегда выпускали в паре со «стариком». Это целиком себя оправдало. Боевую задачу группе обычно ставил командир батальона. Но часто по приказу коман-

дира части группе приходилось работать и в соседних подразделениях, играя роль своеобразного маневренного огневого средства.

В ноябре, когда шла оборона метизного завода, немцы начали сосредотачиваться перед фронтом соседней части, в овраге, рядом с нашими передовыми траншеями. Потребовалась помощь снайперов. Зайцев с пятеркой снайперов через полчаса заняли новые позиции, в полукилометре от прежних. С ними был капитан Ракитянский, старый сибирский охотник. Как только немцы показались из-за домов, снайперы открыли огонь. За несколько минут враг потерял более двух десятков убитыми и отказался от штурма, который готовил. В другой раз шестерка снайперов, заблаговременно подготовившая огневые позиции на новом участке, уничтожила за день 45 гитлеровцев.

Снайперская группа была разбита на отделения, по три пары в каждом. Пары и отделения занимали позиции так, чтобы были обеспечены огневое взаимодействие и взаимная поддержка. Старшему каждой шестерки, командиру отделения, Зайцев сам назначал сектор наблюдения и обстрела, ставил определенную огневую задачу.

Приходя на новый участок, снайперы обычно первый день посвящали наблюдению и разведке. Еще на исходной позиции (укрытом месте в тылу участка обороны) снайперы получали информацию, собранную старшим группы у командиров, наблюдателей, разведчиков и артиллеристов. Информация эта помогала Зайцеву правильно разбить секторы наблюдения между отделениями. Стрелять в первый день запрещалось. Хотя и чесались руки у молодых снайперов, но после гибели снайпера Дмитриева, который успел сделать всего один выстрел, не изучив предварительно расположение снайперских гнезд врага и необдуманно выбрав огневую позицию, все стали твердо держаться этого правила.

Ночью шло оборудование огневых позиций – истинных и ложных. Долбились амбразуры в стенах домов. Истинные позиции тщательно маскировались. Маскировка ложных позиций требовала не меньшего труда: противник должен был принять их за истинные. В амбразуре ложной позиции устанавливали чучело-макет стрелка с винтовкой – чучело падало при попадании пули вражеского стрелка.

На каждого снайпера оборудовалось несколько позиций, иногда до пяти. Советские снайперы держались правила: менять позицию после каждого выстрела! Выбор и оборудование снайперских позиций в городском бою имеют решающее значение. Вот почему по утрам, когда снайперы занимали места, Василий Зайцев лично обходил их, проверял, как оборудованы позиции, и «закрывал» неудачно выбранные.

Деревянных домов избегали, так как они быстро загорались при обстреле. Позиции старались выбирать, следуя уже накопленному боевому опыту, на удалении 800—1000 метров от немецких снайперов, на верхних этажах, карнизах и чердаках каменных зданий, которые давали хороший обзор. Устроив и замаскировав амбразуру, снайпер обычно располагался в глубине здания, чтобы не быть замеченным и не обнаруживать себя выстрелом.

Пока группа действовала на участке, Зайцев каждый день изучал журналы наблюдателей, донесения разведчиков. Пехотных наблюдателей старший группы извещал, что в их районе действуют такие-то пары снайперов. По вечерам, когда снайперы собирались на исходной позиции, подводились итоги дня, уточнялась задача на завтра. Журналы пехотных наблюдателей позволяли также контролировать эффективность огня снайперов. Для связи между снайперскими отделениями использовали телефон и другие средства, а также посыльных. Сигналы общей смены позиций или отхода на исходную подавались ракетами.

Снайперы группы Зайцева были, вероятно, первыми, кто пришел к выводу о необходимости создания крупнокалиберного снайперского оружия: они пробовали устанавливать оптический прицел на противотанковое ружье, чтобы увеличить дальность и эффективность снайперского огня. Две пары снайперов имели кроме винтовок противотанковые ружья и вели кинжальный огонь по целям, которые трудно было поразить снайперской пулей: по хорошо

защищенным амбразурам, укрытым пулеметам, танкам и самолетам. Одно время долго охотились за машиной, которая часто подходила к городской больнице, где немцы метрах в шестистах от переднего края устроили кухню. Снайперам удавалось снимать одного-двух фрицев, остальные успевали спрятаться, а машина уходила невредимой. Ее вывели из строя броньбойно-зажигательными пулями двух ПТР.

Так действовала наша группа в обороне. Когда же началось знаменитое сталинградское наступление, снайперы вошли в состав блокирующих групп. Они участвовали в огневой подготовке и обеспечении атаки штурмовых групп. Точным огнем по быстро скрывающимся целям снайперы расчищали дорогу пехотинцам, которые врвались в дома, занятые врагом, и истребляли его гранатой и штыком. В этих боях сталинградские снайперы показали высокое искусство меткого скоростного выстрела и стрельбы навскидку.

В 13-й гвардейской стрелковой дивизии 98 снайперов уничтожили 3879 солдат и офицеров, в 39-й гвардейской стрелковой дивизии 70 снайперов имели на своем счету 2572 человека. В среднем же в 62-й и 64-й армиях, оборонявших Сталинград, на одного снайпера приходилось по 25–30 убитых немцев. По самым же приблизительным подсчетам, за период Сталинградской битвы советские снайперы уничтожили свыше 10 000 немецких солдат и офицеров.

Стрелки НКВД

Особая практика использования снайперов бытовала в это время в войсках НКВД. После тренировок и специальной подготовки «сверхметкие стрелки» выезжали на боевую стажировку в действующую армию. Такие снайперские команды обычно насчитывали от 20 до 40 человек, срок командировки – от 10 дней до месяца. Таким образом, значительная часть личного состава не только получала специальную подготовку, но и проходила обкатку в реальных условиях передовой. Например, в 23-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог за годы войны подготовлено 7283 снайпера, все они прошли боевую стажировку.

В докладной записке «О боевой деятельности снайперов войск НКВД СССР по охране важных предприятий промышленности за период с 1 октября 1942 г. по 31 декабря 1943 г.» говорится: «... Части войск за истекший период прошли практику в боевых порядках действующей Красной Армии, причем некоторые из них по 2–3 раза. В результате боевой работы снайперами войск уничтожено 39 745 вражеских солдат и офицеров. Кроме того, сбит самолет противника и уничтожено 10 стереотруб и перископов. Потери наших снайперов: убито 68 человек, ранено 112 человек».

Вот эпизод из боевой работы старшего лейтенанта А. Хованского, командира группы снайперов 51-го полка войск НКВД по охране железных дорог. Однажды, зайдя в ДЗОТ, Хованский через оптический прибор заметил вдалеке поблескивающую каску. Убедившись, что это неприятельский снайпер, старший лейтенант прицелился и выстрелил: враг повалился. Но в тот же миг в амбразуру ДЗОТа ударила разрывная пуля. Еще через секунду возле уха старшего лейтенанта просвистела вторая пуля.

Хованскому стало понятно, что где-то прячется второй немецкий снайпер. По-видимому, в задачу его входило работать на пару с только что убитым. Тактика же этих двух немецких «волков» состояла вот в чем: первый немец дразнит, вызывая на себя огонь нашего скрытого снайпера, а второй тем временем с фланга бьет по нашему стреляющему снайперу. После того как Хованский обнаружил сразу двух немецких снайперов, оставшийся в живых удрал. Хованский тоже сменил позицию.

Смена позиции – большое дело в практике снайперской стрельбы. Это предохраняет от потерь и затрудняет наблюдение вражескому снайперу. Во втором случае Хованский решил выйти на охоту ночью. На этот раз он действовал в паре с другим снайпером-наблюдателем. Ночь была светлая, ориентироваться по вспышкам вражеских выстрелов трудно, пришлось отложить дело на вторую ночь. После нескольких часов пристального наблюдения от напряжения стали слезиться глаза, Хованский выследил приблизительное местонахождение замаскировавшегося в кустах немецкого снайпера. Место второго снайпера обнаружить было труднее. Хованский пошел на хитрость. Он попросил нашего пулеметчика дать короткую очередь правее кустиков, метров двадцать в сторону от предполагаемого логова немецкого зверя.

Пулеметчик выполнил это. Первый немецкий снайпер тотчас же сделал ответный выстрел, может быть, принимая стрелявшего пулеметчика за снайпера. Слабая вспышка выстрела дала возможность Хованскому точнее, чем прежде, определить местонахождение первого немца. Но совсем точно цель поймать было еще нельзя: темнота скрадывала всякие ориентиры. Хованский попросил пулеметчика дать еще одну очередь. На этот раз последовало два выстрела. Стреляли первый и второй неприятельские снайперы. Причем их пули вцепились в щиток пулемета. Хованскому этого было достаточно. Зная еще по первому эпизоду, что немецкие снайперы действуют на пару и располагаются друг от друга приблизительно метрах в десяти, он следил за указанным отрезком траншейной линии и отчетливо различил на этом расстоянии вспышки выстрелов. В темноте нелегко угодить прямо в цель. Понадобилось

еще несколько выстрелов, прежде чем Хованский, точно нащупав первого немецкого снайпера, покончил с ним.

Но второй не давался. Он лежал, по-видимому, удобно устроившись, уверенный и полной своей безопасностью. Хованский выстрелил трассирующей пулей. Это подействовало на психику немца. Поняв, что он обнаружен, а его напарник молчит, следовательно, убит, враг поспешил переменить позицию, Хованский заставил его еще раз ее сменить, до самого рассвета тревожа немца и не давая ему возможности замаскироваться.

Утром, несмотря на усталость, Хованский не ушел. Он продолжал упорно охотиться за немецким «волком». Поднялось солнце. Оно било в глаза немцу, мешая ему наблюдать, и раздражало его. Он в третий раз сменил свою позицию и стал обстреливать место, где скрывался Хованский. Хованский молчал. После этого гитлеровский снайпер (он был в чине офицера), уверенный в том, что ему удалось наконец подстрелить русского снайпера, соскользнул в траншею. Здесь он выпрямил свою онемевшую за ночь спину и сразу же получил в висок меткую пулю.

Вывод, который позднее сделал Хованский из этого эпизода охоты за фашистскими снайперами, заключен в следующем: надо не давать вражескому снайперу замаскироваться, прочно осесть в своем укрытии. Надо все время его тревожить, заставляя чаще менять позицию, и этим обстоятельством искусно пользоваться для стрельбы по переползающему врагу.

В октябре 1941 года была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН), ориентированная в первую очередь на диверсионную и разведывательную работу в тылу немецких войск. Типовая боевая группа ОМСБОН включала командира, радиста, подрывника, помощника подрывника, двух автоматчиков и – обязательно! – снайпера. Интересно, что помимо штатного армейского оружия снайперы этого спецподразделения часто использовали карабин образца 1938 года с установленным на нем оптическим прицелом: для боевой работы в лесу короткое оружие было удобнее. Кроме того, для ликвидации часовых и сторожевых собак применялись снайперские винтовки с глушителем типа «Брамит» («Братья Митины»).

Кстати, уже после войны, анализируя большие потери разведгрупп СД на советской территории, шеф германской разведки Вальтер Шелленберг отмечал «трудность противодействия специальным силам НКВД, чьи части почти на 100 % укомплектованы снайперами».

Итоги войны

Принятый РККА в 1942 году «Боевой устав пехоты» так определил круг боевых задач, решаемых снайперами на фронте: «Уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, оружейных и пулеметных расчетов (особенно фланкирующих и кинжальных), экипажей остановившихся танков, низко летящих самолетов противника и вообще всех важных, появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей... Снайпер должен также уметь показать трассирующей пулей и другими способами пехоте, артиллерии, минометам и противотанковым ружьям важные цели, неуязвимые пулей: танки, ДОТ (ДЗОТ), орудия».

Интересный факт: еще в 1943 году группа лучших фронтовых снайперов была приглашена для участия в совещании высших офицеров НКО СССР. Тогда было, в частности, предложено в штатах пехотных и мотострелковых взводов иметь снайперскую пару, в стрелковых полках – офицера-инструктора по снайпингу; такие же офицерские должности предполагалось ввести в вышестоящие штабы соединений общевойсковых армий; предполагалось создать при армиях постоянно действующие снайперские школы.

Один из участников этого совещания Герой Советского Союза Владимир Пчелинцев вспоминал: «Претензий к боевой снайперской винтовке обр. 1891/30 г. у нас не было. Основные замечания касались оптики. Основываясь на боевом опыте, мы выразили пожелания, чтобы прицел был бы несколько модернизирован и к нему изготовлены некоторые необходимые на фронте приспособления... Мы предлагали разработку специальной прицельной сетки и более удобного расположения прицельных маховичков. Из приспособлений нас интересовали два элемента: солнцезащитный поворотный козырек на объектив и гофрированный резиновый тубус на окуляр прицела». Также высказывалось предложение «о разработке для снайперского оружия специальных «целевых патронов» с улучшенным качеством пороха и более тщательным отбором пуль на заводах. Патроны эти должны идти мелкими партиями специально для снайперов. Это дало бы возможность резко улучшить дальность и точность стрельбы». Однако снайперские группы, как известно, так и не стали составной частью пехотных подразделений, а предложения по улучшению оружия и боеприпасов были реализованы только через 20 лет, с принятием на вооружение винтовки СВД.

Несмотря на приведенные выше слова В.Н. Пчелинцева, нужно сказать, что отрицательные стороны у снайперского варианта трехлинейки все же были. Недостатки винтовки образца 1891/30 года были следующими. Во-первых, нарекания снайперов вызывало неудачное расположение оптического прицела ПУ – он находился далеко от глаза стрелка, поэтому при прицеливании тому приходилось отрывать щеку от приклада и сильно вытягивать шею. Из-за такого неправильного положения головы глаз снайпера часто отклонялся от оптической оси прицела, что приводило к заметным ошибкам в прицеливании. Кроме того, низкое качество оптических прицелов ПУ военных лет тоже давало свои плоды: фронтовые снайперы отмечали, что у многих прицелов установки на шкале вертикальных поправок не совпадали с реальными дистанциями, частое вращение барабанчика боковых поправок давало отклонения в горизонтальной плоскости. Кроме того, многих стрелков не устраивали тугой спуск, отрицательно влиявший на точность стрельбы, и изготовленная из березы ложа – при усыхании и отсыревании она давала поводку, изменявшую кривизну ствола.

В 1940 году на вооружение армии поступила самозарядная винтовка Токарева (СВТ-40); одновременно появился и снайперский вариант, имеющий кронштейн с оптическим прицелом ПУ и более тщательно обработанный ствол.

Экипировка советского снайпера периода Великой Отечественной войны была довольно скупой. Помимо оптического прицела для ведения наблюдения за целями они имели разнообразные полевые бинокли (чаще 6– и 8-кратные) и окопные перископы ТР и ТР-8. Для самоза-

щиты в ближнем бою снайпер часто брал с собой на задание несколько ручных гранат, пистолет и нож. Если в засаду шла снайперская группа, то вооружение дополнялось еще и пистолетом-пулеметом ППШ или ППС.

К середине 1942 года снайпинг прочно вошел в армейский быт на всех фронтах Великой Отечественной войны. Снайперский террор со стороны советских войск оказал сильное моральное воздействие на немецкие части. В дневниках и письмах, найденных у убитых солдат и офицеров вермахта, встречаются такие фразы: «Русский снайпер – это что-то очень ужасное, от него не скроешься нигде! В траншеях нельзя поднять голову. Малейшая неосторожность – и сразу получишь пулю между глаз... Снайперы русских часами лежат на одном месте в засаде и берут на мушку всякого, кто покажется. Только в темноте можно чувствовать себя в безопасности».

Боевая практика и живой фронтовой опыт

Как говорил Василий Зайцев: «Всем начинающим и опытным снайперам необходимо всегда помнить: перед тобой тактически зрелый, инициативный, находчивый и очень меткий стрелок. Его надо перехитрить, втянуть в сложную борьбу и тем самым привязать к облюбованной позиции. Как этого достигнуть? Придумывай ложные ходы. Рассеивай его внимание, запутывай свои следы, раздражай замысловатыми движениями, утомляй его зрительную сосредоточенность. Снайпер – это кочевник, появляется внезапно там, где противник его не ждет».

Тактика снайперов – это гибкая, динамичная, постоянно меняющаяся составляющая боевого мастерства. Многие снайперы, и среди них самые талантливые, принесли в нее что-то свое, особенное, самобытное, что принималось на вооружение армиями мира.

СССР

Хорошую картину того, как применяли наши снайперы свое искусство в бою, дают многочисленные фронтовые очерки, регулярно печатавшиеся в газетах. «...Я Михаилу Петровичу Кондратюку спасибо говорю, снайперу, который нас сопровождал, – поправил меня боец. – Полз я к ДОТу с толком. А впереди меня траншеи с немецкими пулеметчиками. Пригнули головы и ведут огонь. Слепой огонь мне не препятствие. Вот если кто из них голову вскинет да взглянет, тогда мне, конечно, конец. Ползу и о смерти думаю. И вот приподнялся один, автомат поднял, прямо в глаза взглянул, и вдруг – бац, и сел за смертью. Вот, думаю, счастье мое. Дальше ползу. Еще один вскочил, но и у него из головы брызнуло. Смекнул, в чем дело, на четвереньки поднялся. Мне бы только тол до амбразуры добросить. А там, понятно, геройскую смерть принять надо: деваться некуда. Напружинился, глотнул воздух, бросил, лег и жду... Разворотило ДОТ, меня камнями обсыпало, ушибло маленько. Но ничего, зато задание выполнил. Встал, огляделся по сторонам. Вокруг меня шесть фрицев накидано, а я живой. И стало мне вполне понятно, как Кондратюк меня своей меткой пулей сберег. Вернулся к ребятам, снова попросил тола. Лейтенант говорит: «Действуй. Мы тебя из ручного пулемета прикрывать будем». – «Не надо, – сказал я, – ручного пулемета. Пусть на меня товарищ Кондратюк внимание обращает. Он застрахует». Так я еще два ДЗОТа поломал. Потом Кондратюка другим подрывникам одалживали. Прямо ангел-хранитель, а не человек. Но мы его тоже без присмотра не оставляли. Автоматчик за ним следовал, как за генералом. И пулеметчикам наказ был: в случае чего – прикрыть». (В. Кожевников. «Высшее стрелковое образование».)

Советский нагрудный знак «Снайпер»

В книге В. Зайцева описан момент, как 13 наших снайперов загнали назад в окопы атакующий немецкий батальон. А также как наши снайперы обороняли Мамаев курган. А вот другой случай.

Летом 1942 года в сталинградских уличных боях русским несколько дней досаждал немецкий снайпер, работавший в паре с пулеметчиком. При очередном подстреле очевидцы пояснили, что солдат был убит в голову откуда-то сверху, и показали, как он стоял в момент подстрела. Наш снайпер с пробитой каской в руках примерно восстановил линию полета пули. Ему рассказали, что выстрела не было слышно из-за пулеметной трескотни. Был сделан

вывод, что на стороне противника работал грамотный снайпер, и было принято решение сперва лишить этого стрелка звукового прикрытия – ликвидировать пулеметчика. Советский снайпер занял позицию в глубине развалин в тени. Ассистенты показали в одном месте сразу несколько манекенов-приманок, «бегущих» в одном направлении. Немецкий пулеметчик «клюнул» на групповую приманку и пострелял по ней несколько секунд, что стоило ему жизни. За это время напарник снайпера проскочил разграничительную линию между своими и чужими и стал заходить между развалинами во фланг позиции немецкого стрелка. Немецкому снайперу показали сначала каску, но ее несли специально небрежно, чтобы он распознал приманку. Затем ассистенты показали чучело, на которое немец тоже не «клюнул». На игру последующих приманок немец тоже не попался. Пока все это происходило и внимание немца было отвлечено, напарник снайпера пробрался сбоку и сзади позиции немецкого снайпера и увидел его среди развалин, сосредоточенно наблюдающего в перископ с верхних этажей полуразрушенного дома. Немец был застрелен, с высоты этого дома помощник снайпера застрелил еще двух немецких солдат и принес на свою сторону трофейную снайперскую винтовку и перископ. Это классический пример, как, действуя коллективно, противника можно отвлечь и обойти.

При нашем наступлении в предгорьях Карпат у немцев появился стрелок, довольно меткий, который точной стрельбой издали разбивал стереотрубы, перископы и мгновенно брал на мушку все, что двигалось. Маскировался он безупречно. Пулеметного звукового фона не было. Вспышки выстрела никто не замечал. Звук был приглушенный – вроде как стреляли издали. Чучел на той стороне тоже никто не показывал. Вреда этот стрелок нанес немало, буквально «ослепив» командный состав. Визуальным наблюдением его позицию установить не удавалось. Она была вроде как «блуждающей». Постепенно различные направления и версии провокацией приманок отпадали, район поисков сузился, и в поле внимания все чаще и чаще стала попадаться куча разбитых снарядных ящиков и другого хлама. Ночью саперы проделали проход в минном поле, под прикрытием снайпера, оставшегося возле разминированного прохода, разведчики сделали засаду возле вышеупомянутой кучи. Под утро взяли приползшего на позицию снайпера. Его допросили тут же экспресс-методом, и он показал, что его напарник занимает отвлекающие позиции по сторонам на удалении 100–150 метров от кучи. Наш снайпер занял скрытую позицию за той же кучей и через некоторое время обезвредил выстрелом в бок другого немецкого снайпера, который выдвинулся своим чередом. Потом выяснилось, что немецкий снайпер стрелял из кучи битых ящиков через несколько щелей. Вернее, он стрелял «в кучу» – дым оставался в обломках и постепенно рассеивался, звук приглушался, пламени тоже не было видно. Поучительным в этой операции было то, что пленного полезно допрашивать по горячим следам.

Снайперская книжка. РККА. ВОВ

В другом случае разведгруппа, ползавшая каждую ночь по нейтральной полосе, обнаружила в небольшой заброшенной траншее за мелким кустарником стреляные гильзы, утоптаный грунт и карточку огня с нанесенными на ней ориентирами на нашей стороне и обозначенными дистанциями до них. На всякий случай возле этой позиции задержались, и не напрасно – перед рассветом туда приполз немецкий снайпер, которого повязали и притащили на свою сторону. Его напарника тихо зарезали рядом на запасной позиции, которая тоже была отмечена на карточке огня. Немец для облегчения своей работы оставлял такие карточки на каждой позиции, чтобы не таскать их с собой, и составлял их очень пунктуально, что и подвело его напарника. На позиции нельзя оставлять ничего привлекающего внимание, даже стреляных гильз. На карточках огня запрещается делать обозначения чего-либо, находящегося на своей стороне. Нельзя все время выходить на одну и ту же позицию. Но не только наши захватывали немецких снайперов при ночных выходах. Немало и советских, не придавших таким вещам никакого значения (это русская ментальность), попало в плен именно таким образом. Однажды наш снайпер выбросил ненужную ему примитивную карточку огня с обозначенным на ней немецким наблюдательным пунктом. Карточку подобрали немецкие разведчики, и через сутки этот снайпер попал в немецкую засаду, устроенную перед этим наблюдательным пунктом. Следует запомнить: на войне нет мелочей ни в чем. Случайность – это следствие оплошности.

В 1943 году недалеко от Полтавы разведчики ночью притащили «языка». Он был испуган и помят. Ему развязали руки, вынули кляп изо рта и дали зажженную сигарету. Он успокоился и сразу начал говорить. На вопрос о снайперах он ответил, что совсем недавно прибыла новая группа снайперов, которые раньше работали на других участках, уже обстреляны, на их счету есть убитые. Стрелковая подготовка отличная, маскировка безупречная. Очень осторожны. На простые приманки не реагируют. Пленный, видя, что его не собираются убивать, по крайней

мере тут и сейчас, и обращаются пока хорошо, очень подробно описал методы работы этой снайперской группы, особенности характера и привычки каждого из этих снайперов.

В частности, он показал, что командир этого снайперского отделения маскировался только природными ветками и травой, позиции особо не оборудовал, менял их часто, работал на ровном месте с нейтральной полосы, но сзади себя всегда имел лощину или старые траншеи для отхода. Его заместитель предпочитал занимать позиции со стороны солнца, в глубокой тени под высокими скатами, обкладываясь со всех сторон ветками или между кустов.

Эти особенности было решено использовать для пользы дела. На крупномасштабной карте 1:250 000 установили места рельефа местности с подходящими лощинами и скатами с южной стороны. Ночью снайпер занял замаскированную позицию сбоку от лощины в старых окопах. Днем было жарко, и внимание снайпера в предполагаемом месте привлек куст, листья которого «опустили уши» – кто-то его недавно посадил и не полил. Кроме того, перед кустом со стороны наших окопов была вырвана высокая трава, хотя рядом стояла такая же высокая трава. Это был явно расчищенный сектор обстрела, и, кроме того, траву всегда в таких случаях вырывают, чтобы она не качалась от пороховых газов при выстреле и не демаскировала позицию. Снайпер дождался, пока немец, просидев безрезультатно под начавшим вянуть от жаркого солнца кустиком, не уполз в лощину для смены позиции. В одном из изгибов этой лощины он «подставился» и был застрелен.

Его заместителя, прятавшегося в тени, обнаружили аналогичным способом. Этот снайпер тоже прятался, неглубоко закопавшись под кустиком, имея, кроме того, кусты справа и слева. Под контролем перископа ему направили в оптический прицел солнечный зайчик от куска зеркала, укрепленного на палке и выставленного из окопа. Представьте, как почувствовал себя этот стрелок. Он дернулся так, что куст над ним покачнулся. По световому пятну от солнечного зайчика, направленного в амбразуру под куст, выстрелили залпом из двух снайперских винтовок. Труп убитого снайпера потом нашли при наступлении. Засохший куст стоял над ним на перекрестии из веток и сучьев. Остальные снайперы этой группы затаились и почти не проявлялись.

Василий Зайцев описывал случай уничтожения немецкого снайпера, засевшего за броневым щитком от русского пулемета «максим». Зайцев долго ждал развития событий, пока немцу не принесли обед, и дождался момента, когда немец что-то пил из термоса и, забывшись, запрокинул голову назад, выставив ее над щитком.

В другом случае, когда немецкого снайпера не удавалось взять «в лоб», Зайцев занял позицию в стороне от основного участка событий, с фланга по высотке, откуда ему просматривались изгибы траншей. Зайцев ждал развития событий и дождался, пока немецкий снайпер не показался в одном из таких изгибов. Он шел с винтовкой, заброшенной за спину, и о чем-то беседовал с офицером, который шел рядом. Зайцев застрелил обоих.

В литературе описан классический пример контрснайперской изобретательности, который после Второй мировой войны был приведен в учебниках снайперской практики многих стран мира. Немецкий снайпер оборудовал вблизи линии своих траншей, за минным полем, бетонированную «глухую» позицию за бронешитком и очень досаждал переднему краю русских. Наш снайпер, который получил приказ уничтожить вредного фашиста, к выполнению поставленной задачи подошел творчески. Он тщательно изучил распорядок жизнедеятельности своего немецкого «коллеги» и установил, что тот с истинно немецкой пунктуальностью в одно и то же время уползает к своим на обед. Ночью саперы проделали проход в минных заграждениях, а днем советский снайпер в обеденное время незаметно подполз к бетонированной позиции и, в отсутствие хозяина, закопал под бронешитком мину от 120-мм миномета, на взрыватель которой прикрепил клочок белой бумаги. Часа через полтора, когда немец должен был вернуться с обеда, русский снайперским выстрелом по хорошо видной белой бумажке подорвал мину. Труп немецкого снайпера вместе с бронешитком отбросило далеко в сторону.

В другом случае тщательным сравнительным наблюдением был также выявлен искусственный маскировочный пень, отстоявший от позиций на дистанции 450 метров. По нему постреляли из пулемета ДШК. Пень при пулевых попаданиях дергался, но не падал. Это навело на мысль, что он сработан добротнo, капитально закреплен, поставлен над глубокой позицией, а снайпер использует этот камуфляжный пень для маскировки скрытого наблюдения в оптический прибор – перископ или артиллерийскую буссоль, находясь при этом внизу в безопасном месте. Нижняя часть пня была взята нашим снайпером на прицел, а его ассистенты показали противнику куклу-приманку в изгибе траншеи. Вражеский снайпер, сидевший под пнем, успокоился после огневой «проверки» и выстрелил из-под пня по кукле. При вспышке его выстрела наш снайпер дождал спуска. Как выяснилось впоследствии, немец, не успевший после выстрела уйти вниз, получил тяжелое ранение и был отправлен в тыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.